

Василий ФЁДОРОВ

КНИГА ЛЮБВИ

Издание четвертое,
дополненное

Кемерово 2012

ББК 84(2РОС=Рус)6-5я44
Ф33

Фёдоров В. Д.
Ф33 Книга любви [Текст] / В. Д. Фёдоров; сост.: А. Северный. – Изд. 4-е, доп. – Кемерово: Кемеровский государственный университет культуры и искусств, 2012. – 266 с.

ISBN 978-5-8154-0248-5.

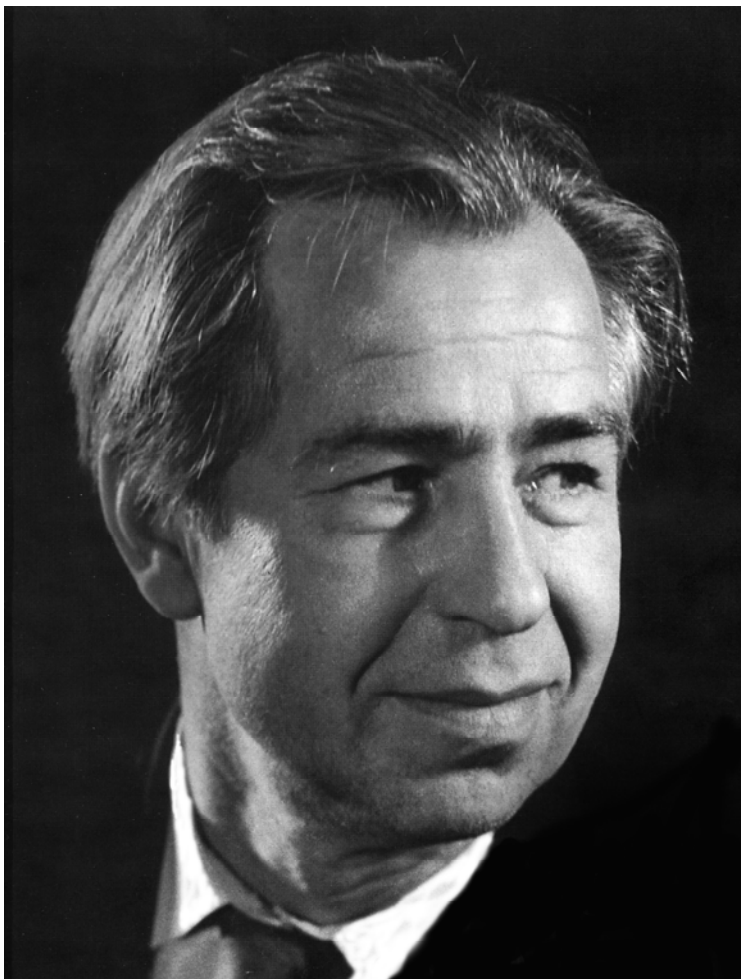
Издание посвящено 95-летию со дня рождения великого русского поэта советской эпохи и восполняет не осуществленный при жизни авторский замысел. Поэзия уроженца Кузбасса современна в XXI столетии, значимость ее предстоит открыть современным читателям и исследователям.

Выражаем благодарность за издание книг: «Книга Любви», «Книга Веры», «Женитьба Дон Жуана. Неоконченная книга Души» Кемеровскому государственному университету культуры и искусств.

ББК 84(2РОС=Рус)6-5я44

ISBN 978-5-8154-0248-5

© Северный А., 2012
© Басалько А. С., 2012
© Кемеровский государственный университет культуры и искусств, 2012

Василий Дмитриевич Фёдоров
23.02.1918 – 19.04.1984
Народный русский советский поэт,
лауреат Государственных премий РСФСР (1968)
и СССР (1979)

*Моему невидимому
Учителю,
Духовному
Наставнику,*

*Русскому Поэту,
Поэту Сибири,
Поэту Неба,
Есенину Сибири...*

***Василию Дмитриевичу
ФЁДОРОВУ***

*Нет Ваших Книг
На пыльных полках...
СТИХИ! –
Витают в облаках...*

Александр Северный

ОТ АВТОРА

Почему «Книга Любви», а, скажем, не «Строки», не «Страницы любви» и прочее? Да потому, что в нее легли не временные настроения моего сердца, а нечто большее – весь путь радостей любви и печалей. У этой книги есть начало, как было оно в жизни, но нет конца, потому что заканчивать такую книгу не хочется. Сердце еще любит.

Если бы любовь была только благополучной, думаю, книги не было бы. Любовь должна была пройти через испытания, – через сомнения и утраты, но сохранить верность и память. Она должна была пройти к своему «Второму огню». Любовь – всегда благо.

Несчастной любви не бывает. Даже самая трудная – все же счастье.

«Книга Любви» – это исповедь моего сердца. Потому в ней и нет поучений. Но все же хочется надеяться, что из признаний поэта можно тоже извлечь уроки. Влюбленные часто говорят милые глупости, даже банальные, на равнодушный слух, но для них самих полные смысла и волнения. Задача поэта в том и состоит, чтобы внушить читателю хоть частицу своего волнения.

Любовь мне – как блистание

Звезды над миром зла.

Любовь мне – как призвание

На добрые дела.

1974 г.

Василий Фёдоров

ЮНОСТЬ ЛЮБВИ

* * *

О, Юность,
Каждому из нас
Ты открывала мир,
И каждый
Все видел только
В первый раз,
Все делал только
В первый раз,
Не уголяя в сердце жажды.

Любили только
В первый раз —
Мы ничего не повторяли, —
Случилось —
Мы в тяжелый час
Друзей любимых потеряли.

Случилось так.
Покинув нас,
О, Юность,
Нам оставь ту жажду —
Смотреть на все,
Как в первый раз,
Все начинать,
Как в первый раз,
Не повторив ошибок дважды...

(Лирическая трилогия. Поэма о доме.)

* * *

И мороз,
И снег бескрайний.
На стекле, прикрыв закат,
Зарождается из тайны
Белый,
Белый,
Белый сад.

Все бело,
Как в дни цветенья:
Ветви, листья и трава.
Нежные до изумленья
Зачинаются слова.

Слышу
Птичье щебетанье,
Вижу белых гроздьев дрожь.
Только знаю,
На свиданье
В этот сад
Ты не придешь.

* * *

Когда влюбляются титаны,
То начинаются раздоры, –
Они волнуют океаны
И рушат каменные горы.

Они, глашатаи эпохи,
Дерзнувшие попрасть законы. –
Вздохнут, и пагубные вздохи
Опасны людям, как циклоны.

Бывает –
Падают титаны,
Но долго не смолкает слава:
Их раны – дымные вулканы,
А кровь их – огненная лава.

* * *

Мы с тобой
Немного пробежали.
В быстром беге
Мог ли думать я,
Что меня
Украдкою ужалит
Злая
Подколотная змея!

Под какой
Колодиной лежала?
Сколько лет
Таилась, стерегла?
Нет,
Ты только выщерила жало,
А ужалить в сердце
Не смогла.

* * *

Серебрится водяная гладь,
Над водою клонит ветви ива.
Трудно, трудно грусть мне отогнать,
Как мечту о девушке любимой.
В мозг проник ее чудесный свет,
Память поцелуя стала ядом.
Мне и счастья больше уже нет,
Коли нет моей подружки рядом.
Берег тих – беги, беги, волна!
Ведь и ты грустишь о миллом, ива...
Грудь отравой сладкою полна
При единой мысли о любимой.

1935

* * *

Не знаю, как вы,
Но случилось со мной,
Что вспомню ее и краснею.
Давно это было.
За партой одной
Три года сидели мы с нею.

Был мягок,
Был тонок волос ее лен,
Простую лишь знавший укладку.
Скажу откровенно,
Что был я влюблен
До крайности в каждую прядку.

Но ей
Ничего я тогда не сказал,
И, чтоб не казаться беднягой,
Уехал в деревню, и землю пахал
Простою двуконною тягой.

Пьянила земля,
И тепла и черна,
Смутила хмельное сознание,
И в город, где стала учиться она,
Мое полетело признание.

С надеждою
Ждал я от милой ответ,
Предавшись фантазии яркой.
Однажды мне подали
Синий конверт
С огромной красивою маркой.

Читать побежал
В молодой березняк,
Где часто бродил одинокий.
Не очень-то нежный,
Я сердцем обмяк,
Увидев приветные строки.

Пока о стороннем беседа велась,
Был почерк ее одинаков;
Пошло про любовь –
И увидел я вязь
Неясных готических знаков.

Что делать?
Вдруг свет в мою душу проник.
От счастья лицо разулыбив,
Любовное слово я чудом постиг,
Прочел по-немецки:
«Их либе...»

И помню, тогда же
В любовной тоске
Решил я, о школе мечтая,
Что эту строку
На чужом языке
Когда-нибудь всю прочитаю.

Два года
Сквозь дебри глаголов чужих
Спешил я к строке сбереженной.
Письмо развернул я.
«Их либе дих ништ!» –
Прочел, огорченьем сраженный.

О знать бы тогда,
В том зеленом леске,
Чтоб совесть не знала уколов,
Что все отрицанья
В чужом языке
Ставятся после глаголов.

За многие годы
Изжил я вполне
Остатки наивности детской.
Но все же краснею,
А главное – мне
С тех пор не дается немецкий...

* * *

Судьба подступает
Со взглядом зловещим,
Тоску прозревает
Конца моего.

Сгубил свою Жизнь
На стихи и на женщин,
Ни те,
Ни другие
Не стоят того.

* * *

Кто б Жизнь мою
Окинул оком
И кто бы догадался сам,
Что я стою живым упреком
Несправедливым небесам.

И кто бы проявил участие,
Постигнув главное одно:
За что
Рожденному для счастья
Любви и Счастья не дано?..

* * *

Все, что сказал –
Ценой седин,
Ценой моих страданий
Добыто.

У Счастья не бывает опыта,
Для счастья год –
Как день один.

* * *

Не встречаться бы, Оксана,
Не томить души напрасно.
Ой, Оксана, светит месяц,
Ой, Оксана, светит ясно...

Ты иди-иди, Оксана,
Я держать тебя не стану,
Не за нас краснеет небо,
Это свет зари, Оксана...

* * *

Когда уйдет она, неволью
Метель дорогу заметет...
Мне больно без любви,
Мне больно.
Но верю я – она придет.

Она придет неотразимо,
Она придет назло тоске,
Как музыка невыразима
На нашем грубом языке.

* * *

Если б ту тишину
записали на ноты,
то бы та тишина –
потрясла.

СОНЕТ

Когда судьба с тобой меня свела –
Наивно-легкомысленной, как дети,
Я спрашивал: откуда ты взяла
Неведомые мне привычки эти?

Ты голову смущенно подняла,
Твои слова, сказала ты, как плети!
Но кто виновен в том, что на рассвете
Я не тебя впервые обняла.

Мне стало жаль твоих печальных глаз
И твоего покинутого друга –
Года идут, идут и каждый час
Мы близостью своей творим друг друга.

Дай бог, чтобы по строгости твоей
Другой не знал о странности моей.

1947

* * *

Среди чужих и неприветливых
Иду, внимательный прохожий,
Я знал немало этих ветреных,
Немного на тебя похожих.

Тебя любить душа не силилась,
Но лишь тебе, одной тебе,
Замеченной в густой толпе,
Мое признание песней вылилось.

ВСТРЕЧА

Приход любви необычаен.
Я не неведомую звал,
И все искал я, а встречая,
Знакомых черт не узнавал.

Но раз,
Минуя дом кирпичный,
Я повстречал ее зимой
На перекрестке, где обычно
Я поворачивал домой.

Мне было весело.
Возможно,
Чтоб только время скоротать,
Бессмысленно, неосторожно
О жизни начал я болтать...

Молчала.
Повернула вправо.
Ни в чем, казалось, не вина,
Как снисходительно лукаво
Она взглянула на меня!

Уже не поражалась бредом
И не была удивлена,
Что я пошел за нею следом,
Не спрашивая – кто она.

Мы шли по улицам, и скоро
Вошли в ее подъезд, в ночи
Гремели цепи и затворы,
Звенели медные ключи.

Стучало сердце...
Стен шатанье
Сознания не могло б лишить.
Хоть миг такого ожидания
Дай бог еще мне пережить.

Верни мне первое движенье
Души, рванувшейся вперед.
Верни мне головокруженье,
Сопровождавшее полет.

Я улетал в края иные,
Я улетал на небеса,
А предо мной цвели земные
Ее счастливые глаза.

Я никогда крылатей не был,
Да, не был! –
Сколько не просил.
Взлетел я на Седьмое небо,
А дальше не хватило сил.

Вдруг небосвод упал и треснул,
Приняв торжественно удар,
Я падал медленно и трезво,
Бестрепетнее, чем Икар.

Как море –
Болям и увечью
Она меня не предала.
Волной приподнялась навстречу,
Остановилась и ждала.

Я был расчетливым и трезвым,
Но понял, в чем-то уличен,
Что всякий путь к иным отрезан,
Что всякий выбор исключен.

Тогда была не без уступки
На все поставлена печать,
Что я за все ее поступки
Отныне буду отвечать.

А после
Шагом осторожным
Шагал я рядом, как немой,
И показалось так ничтожным
Вначале сказанное мной.

1947 (полный авторский вариант)

* * *

Ты шепчешь, что в моей груди
И неуютно и морозно,
Я душу распахнул – входи,
Входи, пока еще не поздно.

Когда войдешь, робея, ты,
Не испугайся темноты,
Но сердце отыщи живое
И подними над головою.

Когда, забытое давно,
В руке засветится оно,
Когда заискрится, – по аду, –
Неси как вечную лампаду.

Смешная, не твоим ногам
Спускаться по его кругам
Все ниже, через круг запретный,
Туда, где пляшет пламя Этны.

Ты вянешь на моей груди,
В которой тоже были весны.
Я душу распахну – входи,
Входи, пока еще не поздно.

1948

ПОРТРЕТ

Когда вы гость едва знакомый,
А гостя надо занимать,
Свои семейные альбомы
Хозяйка даст вам полистать.
От них вам никуда не деться!
Листая и косясь на дверь,
Вы натолкнетесь на младенца,
Что стал хозяйкою теперь...

Листал, скучал,
Как вы б скучали,
Спеша прикрыть прабабок строй...
«Не закрывай меня! Постой!» –
Глаза мне чьи-то прокричали.
Мой взгляд метнулся вниз и вверх,
И я узнал, лицом белея,
Кто звал меня из этих всех,
Приклеенных конторским клеем.

Все та же –
Тот же взлет бровей,
Когда она, легка на слове,
Пугаясь смелости своей,
Чуть-чуть приподнимала брови.
Все та же –
Тот же взгляд родной,
Когда, любимее всех прочих,
Ее глаза передо мной
Прошли,
Как две счастливых ночи...

С тоской уставясь на альбом,
Сидел и думал я печально:
Как ты попала в этот дом,
Такой чужой, такой случайный?!
Какой обязана судьбе

За место в тесноте альбома?
Прости, хозяйку о тебе
Спросил я как о незнакомой...
Что, мол, похожая была,
В душе жила, как вы – в квартире...

– Ах, эта!.. С этой нас в Сибири
Эвакуация свела...

О, повесть долгого скитанья!
Ведь у рассказчицы в глазах
От одного воспоминанья
Застрял закоренелый страх.
Болтала про глухое место,
О том, как вместе жили там,
И – на портрет: она проездом
Вчера лишь забегала к нам...
Мечта невольню полетела
К далеким берегам Невы...
– Да, да, вчера лишь... И сидела
Вот здесь же,
Где сидите вы...

Я тотчас же поднялся с кресла,
Простился и ушел, спеша,
Чтоб не узнали, как воскресла
Моя смятенная душа.

* * *

Как с неба полночной звезды,
Спадая в земное лукошко, –
Катились из глаз ее слезы
Короткой хрустальной дорожкой.

Спросил я: «Что, милая, значит?
Ты сердце мне ранишь слезами».
Ответила: «Думаешь, плачу?
Из глаз они катятся сами».

ЗВОНОК

Звонок...

Звучит предупрежденье:

«Соединяю вас с Москвой...»

Секунда... Две... Еще мгновенье,

И я услышал голос твой.

Он шел ко мне из дальних далей

Сквозь шумы сотен городов,

Весь профильтрованный в металле

Тысячеверстных проводов.

И оттого, что был задержан

В них каждый ложный звук, как сор,

Струился голос, чист и нежен,

Подобно ручейку меж гор.

Хочу торжественно открыться,

Что жажды мучимый огнем,

Припасть губами и напиться

Я мог, усталый, только в нем.

Он брал в душе твоей начало,

Он, звонкий, был мне в душу влит...

Прервали нас...

Ты замолчала,

А ручеек – звенит, звенит!..

ПИСЬМО

Валентине Поздышевой

Валя, милая, дни коротки
И минуты размеренно-строги.
Здесь война распустила мотки
Перепутанных нитей дороги.

Скоро, скоро помчатся гонцы...
Скоро воин к любимой вернется,
Но пока не отыщем концы,
Много жизни путей оборвется.

Я не скрою тяжелую грусть:
Мне нередко казалось ночами,
Будто темная древняя Русь,
Испытуя, глядит за плечами.

И когда огневой перехват
Все живое крадет торопливо,
Мнится – я перед ней виноват
Вот за эти глухие разрывы.

За луга, где нет места траве,
За дома, где нет места ребенку...
Оттого на моей голове
Нити белые легкой плетенкой.

Что я видел и что перенес,
Пусть тебе никогда не приснится,
Здесь изъеденный череп пророс
Васильками в прогнивших глазницах.

Даже к чистым желаниям строг,
Видя их, выраставших из плена,
Я сорвать их хотел и не мог –
Это было б позором измены.

Я от странного чувства дрожал,
Вспоминая, когда после боя
Я весь день среди трупов лежал,
Чтоб сберечь свое сердце живое.

О как горько их видеть в беде,
Еще горше коснуться руками,
Белый череп упрямо глядел
Благодарными мне васильками.

И восторг мою душу объял.
Жизнь! Тебя через смерть пронесил я,
За моею спиной на меня
С мудрой верой смотрела Россия.

Я не скрою тяжелую грусть,
Счастье в сердце не часто стучится.
Может быть, я к тебе не вернусь,
Может быть... Это может случиться.

И уйдут эти дни далеко...
Но, с другими гуляя по лугу,
Никогда не срывай васильков
Даже самому лучшему другу.

* * *

И. Мухачеву

Отцветает тополь,
Белый пух кружится.
Покружившись вдоволь,
На виски ложится.

Стал он сединою,
Этот пух крылатый...
Наконец-то мною
Найден виноватый.

ОТЪЕЗД

Перед отъездом грустно в доме быть,
На чемодан тоскливый взгляд уставить,
Чтоб ничего в дорогу не забыть,
Чтоб ничего такого не оставить.

В него я положил и уголок
Все, все над чем еще имею власть я,
И лишь в душе – свободный уголок,
От века предназначенный для счастья.

И вот мечусь и шарю по углам –
Да помогите! Может, счастье близко!
Бегу к столу, смотрю в столе, и там –
Ее записка!

Заслышав долгий призывной гудок,
Мать подошла ко мне, шепнув несмело:
«Я, верно, виновата в том, сынок,
Что жизнь дала, а счастье – не сумела».

И, чтобы мать утешить, я сказал:
«Большое счастье где бы ни бродило,
Оно вперед уходит на вокзал,
Оно опять меня опередило!»

К МАТЕРИ

Говорила о юности,
Вспоминала без радости
Свою юность отцветшую
Моя старая мать.
Говорил ей: не юность ли?
Повторял ей, не радость ли,
Если песню веселую
Можно вновь запевать.
Не уйдешь недолюбленной,
Не уйдешь недоласканной,
И о прожитом станешь ли
Горевать и рыдать?
Говорю ей, не радость ли?
Повторяю, не счастье ли?
Если нам твои горести
Не пришлось повторять?
Скорби сердца не выбиться
Криком чайки подстреленной.
Счастьем яркими перьями
В темноту не взлететь.
Что ни час, то красивое,
С каждым днем все уверенней
По дороге намеченной
Мы идем молодеть.
Не вздыхай по ушедшему –
По истоптанной юности.
Радость в домик наш просится,
Принимай ее, мать!

*(Стихотворение опубликовано
в Иркутской областной газете
«Советская молодежь»
18 января 1940 года)*

СВИДАНИЕ
(НА БЕРЕГУ)

Бегут круги,
 кружки,
 кружинки...
Мальчонки взмахами уды
Золотобокие кувшинки
Вытаскивают из воды.

Мне слышно, как они смеются,
И видно:
На волне крутой
Большая лилия, как блюдец,
Наполнилась живой водой.

Я снова здесь,
Пройдя далекий
Тяжелый путь...
И вновь пьяня,
Пахучие земные соки
Переливаются в меня.

Все поражает новым смыслом.
Вон девушка,
Моей под стать,
Качается под коромыслом,
Чтобы воды не расплескать.

Все видится
В ином значенье.
Вон легкий ветерок повлек
По серебристому теченью
Кружащий селезнем валец.

А женщина,
Снимая с плахи,
Развешивает на кусты
Не очень новые рубахи
И очень свежие холсты...

И может быть, –
Моих открытий
Глухому сердцу не понять –
Войной оборванные нити
Соединяются опять.

В душе –
Ни боли, ни страданья,
В душе зажегся робкий свет.
Как долго шел я на свиданье
Отложенное на пять лет.

Но сердце многого не знает,
Когда у тихих берегов,
Стуча, само напоминает
Забывтый звук ее шагов.

Давно их нет.
За датой дата
Проходят в памяти.
– Прогнать?!
Нет, все, что я любил когда-то,
Я не могу не вспоминать.

*Р. С. Во всех трех изданиях
Книги Любви в разделе «Память любви»
это стихотворение называется
«На берегу». Впервые напечатано в книге
«Марьевские звезды» в 1955 году как «Свиданье».*

ДРУГУ

Будь счастлив. Доживи до дня –
Дня мира, дня большой награды,
Ты можешь позабыть меня,
Но ЭТО забывать не надо:

Что над Землею ночь была,
И смерть держала всех когтями,
Нас по Земле Звезда вела
Невероятными путями.

Что эта ночь была страшна,
Смерть отмечала черной метой,
Но Жизнь над павшими прошла
Лучами нового рассвета.

Будь счастлив ожиданьем дня.
Затихнет песня боевая...
Ты можешь позабыть меня,
Но дней таких не забывают.

* * *

Если у лебедя ранят подругу –
Смерть ему не страшней.
Он гордо откружит
Последним кругом
И камнем падет за ней.

Будешь любовью моей хранима,
Но если быть беде –
Песни мои тебя поднимут
Крыльями лебедей.

О НЕЙ

* * *

Я повстречался
С женщиной одной,
Той, что меня давно
Когда-то знала...
Та женщина,
Здороваясь со мной,
Мою ладонь
В пожатье задержала,
И удивилась:
«Как она мягка!..
Должно быть – слышишь! –
Жизнь твоя легка?..

Легка ли Жизнь,
Когда мягка рука
И я сказал,
О всех припомня болях:
“Да, милая, рука моя мягка,
Зато Душа поэта
Вся в мозолях.

* * *

Весной
Рабу пера,
Мне нравится пора,
Когда у всех селений
Игра костров весенних.

Все чувства
Вновь остры
И яркие до свеченья,
Когда горят костры
Любви и очищенья.

Что было, сожжено.
И жизнь – как лес весною,
Где все обнажено,
Все зримо,
Все сквозное...

* * *

Цветы и травы
Пахнут так,
Нельзя не захмелеть.
С горы вся даль распахнута,
Что хочется лететь.

Лететь, лететь
И песни петь...
О чем? Да ни о чем.
Лететь, лететь
И сердце греть,
Чтоб пелось горячо.

От счастья
Сердце выроню,
Зачем теперь оно,

Чтоб стало мне,
Как было мне
Давно,
Давно,
Давно...

3 августа 1972 г.

* * *

Лицо тоскою выбелю,
Приду к тебе
тебя
Любить, как перед гибелью
До слез
До забытья,
До бреда,
До сожжения
В судьбе, а не в игре,
До чуда воскрешения
На утренней заре...

* * *

Не затем я
Горячее сердце ковал,
Не затем я покоя
Ему не давал,
Не затем я поил его
Горькой отравой,
Чтобы стало оно
Для кого-то забавой...

Я надеждой,
Как молотом,
По сердцу бил,
Я ковал свое сердце
Для вечной любви,
Чтобы билось не пульсом,

А праздничным звоном,
Чтобы знали, что значит
Быть сердцу влюбленным,
Чтоб Звездана,
Тоскуя в краях неземных,
Услыхала б набаты
Моих позывных...

Вот зачем
Я ковал свое сердце!

* * *

Обидят.
Оболгут.
Не мщу.
Боюсь во зле
Сойтись со спесью.
Я не спокойствия ищу,
Ищу Любви,
Как равновесия.
Зло – бред,
И злые, как в бреду,
Приносят людям
Лишь страдания.
Да бережет меня сознание:
Превысит зло –
И упаду!

* * *

Так мне велит
Души моей настрой:
Пусть буду
Испытаньям я подвержен,
Пусть Жизнь со мною
Поступает тверже,
Но только не обходит
Красотой!

ОСТАВЬТЕ МНЕ ТАЙНУ

Какое же диво
В твоих, Руставели, словах:
Века отшумели, а слово
Все в тех же правах.

Века отзвучали, а слову
И жить и звучать.
Кем был ты,
Как жил ты,
Не знаю.
А надо ли знать?

Над миром тревожным
Ты крылья любви
Распластал.
Ты Индию левым,
Аравию правым достал.

У нас и поныне
Сердца и горят и болят,
У нас и поныне
Над сердцем царицы царят.

У нас и поныне
Усладу другие берут,
У нас и поныне
Кровавые слезы текут.

Прости мне, Шота,
Что, влюбленный,
В порыве страстей
Любимую славил
Превыше царицы твоей.

Прости мне, Шота,
Что забылся
В своей похвальбе,
А помнил лишь право

Любовью быть равным тебе.
Не знаю,
Кем был ты,
Как жил,
Но, читая твой стих,
Тебя создаю я
По страсти героев твоих.

Как бог триединый,
Во всех ли героях един:
В любви Автандила
И в нежных очах Тинатин.

Ты в каждой слезинке,
В кровинке
Отверстых их ран,
В тоске Тариэла
И в муках Нестан-Дареджан.

А что мне с того,
Что в чужом
Палестинском краю
Однажды найдут
Долговую расписку твою?

Унижен ли был ты,
Оболган ли был ты за труд?
Да мало ли лгали...
И многих еще оболгут!

Ах, что мне догадки!
В твой век, Руставели,
И в наш
Доподлинна песня,
А все остальное –
Мираж!

Во имя той песни,
Что пели мы все

И не спели,
Оставьте мне тайну
Великой судьбы
Руставели!

* * *

Вот пишу,
И грустно мне,
Потому как вызнано:
Про Любовь в моей стране
Многое написано.

Про любовь-разлуку есть,
Про любовь-свидание.
И читать не перечесть
Строчек назидания.

С кем ходить
И где гулять.
Есть такие броские,
Что легко по ним справлять
Свадьбы комсомольские.

Станут с ними
Чуть пьяней,
Веселей закружатся.
А мои всего нужней
В горький час
Супружества.

Пусть коснется
Прядки прядь
Над моим пророчеством.
Мое горе повторять
Людям не захочется.

*Этим стихотворением начиналось
Первое издание *Книги Любви*.*

ЕЛЕНА ПРЕКРАСНАЯ

Не верили,
Отмахивались – миф!
Но по дворцам,
По стенам,
Взятым с бою,
Давно доказано,
Что был правдив
Старик Гомер,
Воспевший
Гибель Трои.

Над нею,
Павшей,
Вечность протекла,
Землей укрыла
Рухнувшие стены.
Виновных нет.
И все-таки была
Всему виной
Прекрасная Елена.

Неоспоримы
Слезы,
Муки,
Беды.
Неоспорим
И бога Зевса пыл,
Когда торжественно
В купальню Леды
Он, женолюбец,
Лебедем приплыл.

И родилась
Елена всеблагая,

Затмившая
Эгейскую зарю,
Доставшаяся в жены
Менелаю,
Суровому
Спартанскому царю.

Где красота,
Там правота каприза,
А где любовь,
Там бой идет не зря.
Неоспорима
Молодость Париса,
Отнявшего Елену
У царя.

Неоспоримо
Менелая сердце,
Стучавшее
Тараном у ворот.
Неоспоримо
Мужество ахейцев,
Поклявшихся
Не постригать
Бород.

А годы – мимо,
Годы мимо,
Мимо...
В крушении
Приамовых дворцов
Неоспоримо все,
Но оспорима
Житейская
Забывчивость
Бойцов.

Пал Менелай
В печали и тоске,
Изъела корабли
Морская пена,
Состарилась
Прекрасная Елена,
Скорбела Пенелопа
Вдалеке.

За девять лет,
Приученные драться,
Копьем и дротиком
Вести бои,
Уже ахейцы
Стали оступаться
О клятвенные
Бороды свои.

В крови,
В скорбях,
В осадной суете,
Они, вослед
Приплывшие под Троию
За юною,
За дивной красотой,
Успели позабыть
О красоте.

И мы в бою,
И мы твердыни рушим,
Но, увлекаясь
Праведной борьбой,
Лишь одного хочу,
Чтоб наши души
Не обросли
Ахейской бородой.

* * *

По главной сути
Жизнь проста:
Ее уста...
Его уста...

Она проста
По доброй сути,
Пусть только грудь
Прильнет ко груди.

Весь смысл ее
И мудр и прост,
Как стебелька
Весенний рост.

А кровь солдат?
А боль солдатки?
А стронций
К куще облаков?

То все ошибки,
Все накладки
И заблуждения
Веков.

А Жизни суть,
Она проста:
Ее уста...
Его уста...

* * *

О, Женщина,
Краса земная,
Родня по линии прямой
Той первой,
Изгнанной из рая,
Ты носишь рай
В себе самой.

Я говорю
Библейским стилем
И возглашаю горячо:
Не Петр – ключарь,
А я, Василий,
Заветным
Наделен ключом.

Мы любим
По земным законам,
И соблазняешь ты меня
Не яблочком одним
Зеленым,
А сразу спелыми
Двумя.

О, Женщина,
Душа томится,
И жажда мучит
Все сильней.
Пить!..
Пить!..
Мне пить
И не напиться
Бедовой радости твоей.

ВОСТОЧНЫЙ МОТИВ

Я скажу: «Милая...»

Я скажу: «Милая!..»

Я скажу: «Милая!!».

Раз скажу «милая» –

Губы раскроются,

Два скажу «милая» –

Сердце раскроется,

Три скажу «милая» –

Душа распахнется.

Милая – сильное слово,

Милая – очень сильное слово,

Но слово «люблю» – сильней.

Шепчу ей: «Люблю...» –

Сердце заколотится.

Скажу ей: «Люблю!..» –

Голова закружится.

Спою ей: «Люблю!!».–

Слезы выступят.

«Земля» – доброе слово,

Но оно для любви.

«Весна» – теплое слово,

Но оно для любви.

«Звезда» – дивное слово...

И оно для любви.

Все для любви:

И земля,

И весна,

И звезды.

Весь год

Трудилась Вселенная,

Весь год хороводила,

Чтобы пришло
Великое противостояние
Наших сердец.

* * *

Как второе пришествие,
Как сто крыльев на взлете,
О веселое сумасшествие
Торжествующей плоти!..

Нежность
До первозданного
Побледнения лица,
До глухого, гортанного
Лебединого клика.

И восторг
До отчаянья,
До высокого очень,
До немого молчания,
До безмолвия ночи.

Лебедь
Крылья разбросила,
Замедляя движенье...
Как на заводи озера,
Ты – мое отраженье.

* * *

Любовь мне,
Как блистание
Звезды
Над миром зла.

Любовь мне,
Как призвание
На добрые дела.

Чтоб мир
Отмылся
Дочиста,
Душа тревогу бьет.
Любовь мне,
Как пророчество,
Зовущее вперед.

Любовь,
Как жажда истины,
Как право
Есть и пить.
Я, может быть,
Единственный,
Умеющий любить.

* * *

Я не знаю сам,
Что делаю...
Красота твоя, –
Спроси ее.
Ослепили
Груди белые,
До безумия красивые.

Ослепили
Белой жаждою.
Друг от друга
С необидою
Отвернулись,
Будто каждая
Красоте другой
Завидуют.

Я не знаю сам,
Что делаю...
И быть может,
Не по праву я
То целую эту, левую...
То целую эту, правую...

* * *

Как случилось,
Не заметил,
Что в тебя я так влюбился.
Как случилось,
Что, целуя,
Оторваться не могу!..

Как случилось, дорогая,
Что ты стала всех дороже,
Как случилось, что другая
Потеряла красоту!..

Если сердце ошибется,
Пусть его любовь накажет.
Но не верю я, чтоб сердце
Ошибалось хоть на миг...

Если разум ошибется,
Пусть его затмит измена.
Но не верю я, чтоб разум
Был плохим поводырем...

Почему, как Прометея,
И меня ты приковала.
Неужели я похитил
Пламень сердца твоего?!

* * *

Влюбленных шумно –
Легок воз.
Зато любовь
Влюбленных тихо,
Как горе-горькое – без слез,
Как боль-болящая – без крика.

Молчу.
Таюсь.
Боюсь наскучить.
Иному слово – трын-трава,
Меня же долго будут мучить
В груди
Застрявшие слова.

Иной споет
И отпоется,
А у меня гудит Душа...
И сердце тяжелее бьется,
Готовое для мятежа.

* * *

Радость,
Нежность
И тоска,
Чувств нахлынувших
Сумятица.
Ты – как солнце
Между скал:
Не пройти
И не попятиться.

На тебе
Такой наряд:
Сердце вон

За поглядение.
Ты светла,
Как водопад,
С дрожью,
С ужасом падения.

Ты извечная,
Как Русь.
Ты и боль
И врачевание.
Я не скоро
Разберусь,
В чем твоё
Очарование.

* * *

Не вынес я тоски недель...
По улице, опять преградой,
Метет, метет, метет метель,
А мне тебя увидеть надо...

В сугробы снега и лога,
Косматой буре на рога
Бегу – навстречу вихрей стадо...
Заполонило белый путь,
Ударило... Что будет – будь.
Но мне тебя увидеть надо.

Вот клуба снежное крыльцо...
Увидеть, одолев преграды,
Глаза твои, твоё лицо
Во что бы то ни стало надо.

А на висках
Две жилки бьются,
Две жилки бьются...

Любовь кричит: как поступить?
Переступить или вернуться?
Переступить или вернуться?
И решено – переступить!

* * *

Как пламя яркого огня,
Непотухающего вечно,
Ты мне нужна не для меня,
Нужна ты истине сердечной.

Когда-то у родных полей
Я тайну о тебе подслушал.
Напев о красоте твоей
Запал в ребяческую душу.

Тогда к деревьям у пруда
Я обращался с горькой речью:
«О, неужели никогда
Я на земле ее не встречу?!»
Тогда с тревогою к воде
Я подходил как можно ближе.
«О, неужели же нигде
Ее лицо я не увижу?!»

Я в поисках провел года,
Переходя через утраты.
О, неужели никогда
И не поймешь ты,
Как нужна ты!

Нужна, как воздух для огня,
Чтоб не погас он скоротечно,
Нужна не просто для меня –
Ты истине нужна сердечной.

* * *

Любовь к тебе,
Стыдась, не спрячу.
Что ж, если сможешь –
Отбери!
Своей поэзии незрячей
Я брал тебя в поводыри.
Но незаслуженной обиде
Теперь надолго в сердце тлеть.
Я так хотел тебя увидеть,
Что смог и без тебя прозреть.
Но долог путь,
Тоска сильнее –
Кто знает, может, до седин...
Мне будет без тебя труднее,
Пойми!..
Ведь я пойду один.
Иду с надеждою на встречу...
В мое лицо,
В глаза,
Как в цель,
Стреляя белою картечью,
Метет,
Метет,
Метет метель...

* * *

Если б
Богом я был,
То и знал бы,
Что творил
Женщину!

Если б
Скульптором стал,
Высек бы
Из белых скал
Женщину!

Если б
Краски мне дались,
Рисовала б
Моя кисть
Женщину!

Но
Не бывшую со мной
И не ставшую женой
Женщину!

* * *

Все речи да речи...
Молчи, фарисей!..
Никто не поверит,
Имея понятие,
Что дети родятся
От жарких речей,
От жарких речей,
А не жарких объятий.

Душа да душа!..
Замолчи ты, ханжа!
Мы тоже святые,
Но разве же худо,
Что к женам нас манит
Не только душа,
А женского тела
Горячее чудо.

Ты книжный,
Ты скучный,
Должно, не любя,
Тебя зачинали,
Когда заскучалось...
Все люди как люди.
И, кроме тебя,
Ошибок в природе
Еще не случалось.

* * *

Как цветы на заре,
Так и люди в любви хорошеют.
Неразгаданный взгляд
Мое вольное сердце потряс.
Руки пьяно, как хмель,
Оплели мою гордую шею,
И глаза почему-то
Нельзя оторвать мне
От глаз.

Все гляжу и гляжу –
И никак не могу наглядеться.
Так в причудливом мире
Робеет душа новичка.
Вижу робость и зов,
Вижу юность и детство,
Опрокинутый мир,
Отраженный
В огромных зрачках.

Все гляжу и гляжу,
Оторваться не в силах
От веселых-веселых,
Бесовских во плясе кудрей,
От бесстыдно зовущих,
От страстно и сладостно милых:
Милых губ,
Милых глаз
И летящих бровей.

Ну, люби!..
Ну, люби!..
От Любви
Никуда нам не деться.
Ну, люби же, люби!..

Я давно этой радости ждал.
Мы одни. Никого.
Убежало стыдливое детство.
Страх метался в заре
И за краем земли пропадал.

* * *

Куда я – такой?
Кому я – такой,
От горькой любви
Потерявший покой?

И взгляд мой безумен,
И вид мой ужасен.
Спокойным и тихим
Я просто опасен.

Опасен я тем,
Что мечтой увлекаю,
Что страстью своей
На любовь обрекаю.

Что делом и словом
Творю поневоле
В любви несогласных
На малую долю.

Куда я – такой?
Кому я – такой?

* * *

Я создан весь,
Чтобы тебя любить.
Когда ты есть,
Я не могу
Не быть.

ЗАГРАНИЧНОЕ

Знаю, каждый за женщину платит.

Вл. Маяковский

Хожу,
Гляжу,
Толпою влекомый,
Ломаю язык:
“Ай эм раша...»
Мне заграницы
Ваши знакомы,
Мне знакомы
Столицы ваши...

Огни рекламные,
Напряженный,
Нервный,
Неоновый
Перепляс.
Женщины!
Женщины!
Обнаженные!
Вот это жизнь:
Сплошной Ренессанс!

О, какое
Изящество линий,
О, какая
Волшебная синь!
Рубенс торговку
Делал богиней,
А вы в торговки
Взяли богинь.

У вас
В искусстве
Особая мера.
Пиво продать,
Не мельча ценой,
К вам на помощь
Выходит Венера,
Выходит Венера
Из пены пивной.

Здесь же
Рядом,
Нежна,
Румяна,
Покинув ручки
И рощицы,
На черном угле
Лежит Диана,
Лежит, бедняга,
И морщится.

Все расписано,
Как по нотам.
Богини все же
Возносятся.
Богини торгуют
Только оптом,
А смертные
Только в розницу.

Всюду,
Всюду:
В купальнях,
В альковах
Рыночным светом

Расцветены,
В сексо книгах,
В сексо альбомах –
Женщины!
Женщины!
Женщины!

И сам
Кричал я:
“Женщину славьте!»
Вот их сорок,
И все заснятые
В разных позах,
И даже,
Представьте,
Одна на кресте
Распятая.

На том кресте
Из грубого бруса,
Как символ зла
И бесвкусицы,
Простерлась
Вроде бы Иисуса
Дебелая
Иисусица.

Господу Богу,
Должно быть, жутко,
Богу, должно быть,
Нехорошо
Видеть ее
Подсадную уткой
Для охотников
За барышом.

Вспомню,
Сравню,
И гордость
Накатит:
Страстью,
Обидой,
Тоскою глаз
Каждый из нас
За женщину платит,
Женщиной платит
Каждый из вас!

* * *

Стройным
Хвастая станом,
Высотой груди,
Очень уж иностранно
На меня не гляди.

Мое имя
Василий,
И должна понимать, –
Мое имя с Россией
Хорошо рифмовать.

ИГРЫ ЛЮБВИ

* * *

Не пора ли,
Не пора ли
Нам игрушки собирать.
Мы все игры доиграли,
Больше не во что играть.

И в Любви
Не портить крови,
Ибо знаю наперед,
Что количество любовей
В качество не перейдет.

* * *

Скажи, мое сердце,
Кому ты верно?
Зачем я от каждой пьянею?
Ответь, почему дорогое вино
Сберечь для одной
Не умею.

По нашему краю
Красавиц не счесть,
Но сердце, вперед увлекая,
Стучит и стучит:
“У меня уже есть
Другая,
Другая,
Другая...»

Молчи.
Не хочу я твой призрак ласкать,
Вздыхать без надежд и отрады.
А сердце все гонит:
Мол, надо искать.
И я соглашаюсь,
Что – надо!

Веди меня, сердце,
Скорее веди,
Иначе разлука измает.
Так маленький деспот
В немалой груди
Любовью моей управляет.

БИБЛЕЙСКИЙ МОТИВ

Жалуются девы:
Стало-де сложней
Для души и тела
Выбирать мужей.

Жалуются мужи,
Страхом сражены:
Дескать стало хуже
С выбором жены.

Бог Адама выпорол
Не по той вине.
У Адама выбора
Не было в жене.

И у Евы в доме
Друга своего
Был Адам, а кроме –
Тоже никого.

Впрочем, два наива
Весь библейский срок
Жили бы счастливо –
Не вмешайся бог.

* * *

Ну вот
Опять я начудил,
Разлил себя,
Как пиво, пенясь.
Кто старость
В детстве ощутил,
Тот и до старости
Младенец.

Не торжествуй
И не стыди,
Иначе стану
Безрассудней.
Пусть виноват,
Но не суди,
И без тебя
Так много судей.

И без тебя
В конце концов
Найдется тот,
Кто глянет строго.
Мне ль в мудрецы,
Ведь мудрецов
На всей земле
Не так уж много.

Мне жить,
Как пало на роду:
Расплескиваясь
И волнуясь,
С годами
В детство не впаду,
А если и впаду,
То в юность!

* * *

Весь отдаваясь помыслу,
Надежде на тебя,
По радуге,
Как по мосту,
Поднялся к солнцу я.

За красоту,
За радости,
За то, что счастье знал,
В порыве благодарности
Я солнце целовал.

* * *

Молчи!
Ты ссоришься со мной,
Не ведая пока,
Что хлещешь
По себе самой,
А ты во мне
Хрупка.

ПОГОНЯ

Вперед!
Призывая
В долины и горы,
Мне жизнь обещала
Отраду земную.
Лети же, мой поезд,
Лети же, мой скорый,
Лети же вперед,
Полустанки минуя!

Пуškai же в разбеге,
Пуškai же в разгоне
Колесная тяжесть
Земли не коснется.

Пускай же в сердцах
О летучем драконе
Забывая всеми
Легенда проснется.

Как старцы
Красавицу
Долго скрывали,
Скрывая, сулили ей
Ласк неопасных.
Как вместо нее
Хитрецы выдавали
Влюбленному чуду
Старух безобразных.

Меня не обманут!
Увижу ль воочью,
Как в синем тумане
Следы твои канут,

Развею туманы...
Но даже и ночью
Тебя не подменят,
Меня не обманут!

Сорву с великанов
Таежные скальпы
И, если они
Не засветят при этом,
Вершину Белухи
И Чуйские альпы
Заставлю гореть
Фосфорическим светом.

Куда б ни ушла ты,
Моя молодая,
Везде я сумею
Пройти и прорыться.

Тебе и в горах
Голубого Алтая
Нигде
Никогда
От меня
Не укрыться!

* * *

Угар Любви
Мне мил и близок,
Но как смешон
Тот сердцеед,
Что составляет
Длинный список
Своих «любвей»,
Своих побед.

Марина.
Нина.
Саша.
Маша.
Меж тем
При встречах,
Как у птиц,
Была с ним
Все одна и та же,
Размноженная
На сто лиц.

Мне радость
Выпала иная,
Мне жребий
Выдался иной:
Меняясь,
Но не изменяя,
Сто женщин
Видел я в одной.

* * *

Не о такой,
Как ты,
Мечтается,
Не о такой грущу,
Которая
Красивых книжек начитается,
Придет и мучит разговорами.

Еще заставит,
Межеумица,
И подражательностью маяться:
Мол, тот герой не так целуется,
Не так в романе обнимается.

И лишь одно мне утешительно,
Что, споря
С книжными страницами,
В Любви
Я отвергал решительно
Литературные традиции.

* * *

Придорожная ромашка
В комьях бросовой земли,
С добрым сердцем нараспашку
Ты всегда стоишь в пыли.

Лепестки твои большие,
Ты б гадала, не фальшивя:
«Любит, нет ли?»
Цвет отдав,
Лишь спроси,
Сказала б «да».

Но в заботе бестолковой
Каждый мчится, пятки жжет,
К дальней,
Мелколепестковой,
К той,
Которая солжет.

ТРАВНИЦА

Разгоряченная мечтами,
Еще в любви не видя зла,
На луг за первыми цветами
Весною девушка пришла.

А следом – старая травница,
Держась за тонкий посошок;
На все, что с девушкой случится,
Она отыщет корешок.

Одна сорвет цветок кудрявый –
И от находки без ума,
Другая с корнем вырвет травы,
Сухие, как она сама.

Одну поманит цвет особый,
С которым ей и сна не знать,
Другая злак сорвет, способный
Тоску-бессоницу прогнать.

Девчонка «огонек» разлучный
В косу тяжелую вплела.
Старушка и на этот случай
Траву всеильную нашла.

Идут вдвоем, себя не пряча,
На травах оставляя след.
Влюбленная задаст задачу,
А старая найдет ответ.

И так всегда.
Любя, волнуясь,
Не глядя далеко вперед,
Непроницательная юность
В соседстве с мудростью идет.

ЦЫГАНКА

Я верю цыганке.
Мне счастье она нагадала.
По жесткой ладони
Всю прошлую жизнь рассказала.
Она мне сказала
По линиям четким и ясным:
«Всю жизнь был любим
И всю жизнь был несчастным».

Она мне сказала
С лукавым цыганским азартом:
«Во многих же семьях
Красавицам спутал ты карты.
Скажу имена их,
Да только не надо скупиться...»
«Скажи-ка, а впрочем,
Зачем же...
Напрасно трудиться!»

Я верю цыганкам.
Они, как поэты-провидцы,
Всю жизнь они смотрят
На разные встречные лица.
Всю жизнь они бродят,
Всю жизнь они новых встречают,
И радость и горе –
Все, все они в нас замечают.

И сам я брогяга
И многое, многое знаю.
Сказал я цыганке:
«Давай
Я тебе погадаю!»

* * *

Твердишь ты,
Что расстаться нам пора,
Что ты в своих надеждах
Обманулась,
Что вся моя Любовь
К тебе –
Игра.
Не слишком ли игра
Подзатынулась?

Игра в Любовь,
Я знаю, не к добру.
Игра в Любовь
Коротенького срока.
Семь лучших лет
Потратить на игру.
Семь лучших лет!..
Не слишком ли жестоко?

Старею я,
Люблю тебя одну.
Седею я
До времени, до срока.
Семь лучших лет
Отдать за седину,
Семь лучших лет!
Не слишком ли жестоко?

* * *

Ну полно...
Полно...
Мне тоскливо!..
Угомонись,
Раздор не сей.
Зачем же так несправедливо
Ругаешь ты моих друзей?

Ты злишься,
Что они приходят
Смущать нездешней красотой,
Что в поздний час меня уводят
Бродить под звездной высотой.

Не знаю,
Чем ты оскорбилась,
Когда сказала, их браня:
«Они тебе, скажи на милость,
Дороже хлеба и меня!»

Ну полно же,
На них не сетуй.
Вершители людских судеб,
Мои друзья – они поэты,
Необходимые, как хлеб...

И все ж
Их не сравню с тобою.
Без хлеба все-таки живут.
Ты – воздух мой,
А без него я
Не проживу и трех минут.

ЛАНДЫШИ

Ларе

Девочка кричала
В толпе шумливой:
“Ландыши! Ландыши!»
Взял букетик, подал любимой,
«На! Дыши!»

Залюбовалась букетом белесым,
Лучшим из моих подношений.
“Пахнут, – сказала, –
И лугом, и лесом,
И холодком
Наших с тобой отношений.

Я об этом подумал тоже
И, подумав, взгрустнул от души,
А девочка кричала,
Кричала прохожим:
“Ландыши! Ландыши!»

* * *

Завывает ветер за окном,
Навевает с грустью о былом,
О далеком,
Милом,
О любви.
Ах, зачем ты,
Ветер,
Так играешь
Моим сердцем
Ветреным смычком!

* * *

Когда в печи
Большого дома
В рождественские холода
Горит ячменная солома,
А не дрова горят, тогда
Истопникам
Не счесть терзаний.
Чтоб стало в доме том теплей,
Вгоняют в мыло лошадей,
Рвут хомуты,
Ломают сани.

Все чаще, милая,
Все чаще
Прошу тепла,
Прошу огня...
Так, может быть,
Не настоящей
Любовью греешь ты меня?

* * *

И он хорош.
И ты прекрасна.
Остерегаю:
Жизнь сложна.
Достоинства его опасны,
И даже чистота
Страшна.

И ты зажжешь,
И ты засветишь
Неровный свет
Любви его...
Падешь в огонь
И не заметишь
Грехопаденья своего.

А он
По новому внушенью
Уйдет, однажды выбрав срок,
И не оставит в утешенье
Тебе и права
На упрек.

* * *

Мы не подумали о том,
Хоть и нетрудно догадаться,
Что если
Поджигают дом,
То страшно
В доме оставаться.

Игра Любви,
Игра до слез.
Довольно бы,
Но поздно...
Поздно...
И начинается всерьез,
Что начиналось
Несерьезно.

И сердится
По доброте,
И упрекает:
«Грубый!..
Грубый!..»
А губы ищут в темноте
Уже заждавшиеся губы...

И запоздалое «Уйди»,
Но молодость,
Но звезды с нами...
И я прижал ее к груди,
Как потухающее пламя.

* * *

Любовью,
Гневом
Сердце мая,
Людей
Привык я разделять
На тех,
Которых я не знаю,
И тех,
Которых смог узнать.

И этих,
Что узнал поближе,
Я, приглядевшись,
Так делю:
Одних
До радости люблю,
Других
До боли ненавижу.

* * *

Такое
Нечто сходное
Заметит не любой:
Как здание высотное
Моя любовь с тобой.

От бури,
Что врывается,
Спокойное на вид,
Все здание качается
И потому стоит.

* * *

Вагоны
Мимо,
Мимо,
Мимо...
И радостно,
И грустно мне.
Все кажется, лицо любимой
В летящем промелькнет окне.

Все кажется,
Вагон летучий
Спешит подальше увезти
Ее, мою,
С которой
Случай
Не может все еще свести.

И верится мне
Верой пеших,
Что, милая –
Должно, спала! –
Среди вагонов пролетевших
В каком-то
Все-таки была.

ЛЮБКА-ЛЮБОЧКА

Утром – Любкой,
Ночью – Любочкой...
Отряхнув с души золу,
С виноватою улыбочкой
Проходила по селу.

Шла неспешно,
Будто с ведрами,
Выводя за шагом шаг,
И покачивала бедрами
По привычке,
Просто так.

Обзывали Любку шлюхою
Злые женщины порой.
Начинали слово буквою
Из алфавита второй.

Мужики с недоброй шуточкой
Свой дневной вершили суд.
Шла и знала:
Ночью Любочкой,
Утром Любкой назовут...

Шла отпетая, небрежная,
Под лузгу недобрых ляс,
Всю себя, нахально грешную,
Выставляла
Напоказ.

Отметая ночи ложные,
На меже вблизи села,
На другие непохожая
Ночь у Любочки была.

В играх звездного свечения,
С перепевом петухов
Ночь любви и очищения
Ото всех былых грехов.

Ночь, не сделавшая просева,
Ночь, не вспомнившая зла.
Ничего с души не сбросила,
Все с собою понесла.

Тихо, полная смирения,
Понесла в рассветный дым
Новое сердцебиение
Рядом,
Рядом со своим.

Сын приспел.
Нужны и метрики.
Вот, припав теплом к теплу,
С белым ситцевым конвертиком
Мать ступала по селу.

Мать ступала.
В знак прощения
Приподняли старики
Троеперстно, как крещение,
Лаковые козырьки.

Мать ступала.
И глумливые
Смолкли бабы у дверей,
Даже самые ревнивые
Стали к Любочке добрей.

Эти добрые и дружные
В мальчике
Из доброты
Все простили б,
Даже мужние,
Даже мужние черты...

Шла,
Впервые некоримая,
И несла, забывши все,
На судах неоспоримое
Оправдание свое.

В ЛЕНИНГРАДЕ

Этот город
Слишком красив,
Слишком красив.

В этом городе
Я сиротлив.

В этом городе
Стал я несчастней.
Без тебя,
Молодой,
Золотой.
Одинокому сердцу опасней
Повстречаться
С такой красотой.

Этот город
Слишком красив,
Слишком красив.
В этом городе
Стал я наивней.
Безысходную страсть
Затаив,
Принимаю весенние ливни
За тяжелые косы твои.

Этот город
Слишком красив,
Слишком красив.

Ты отходишь,
Не видя,
Не глядя.
Вскинув руки,
К тебе я бегу.

Ты отходишь,
И кос твоих пряди
Я ловлю
И поймать не могу.
Этот город
Слишком красив,
Слишком красив.

И мечусь я,
Не видя укрытий,
Слыша цокот копыт за спиной...
Успокойся, заботливый критик:
Медный Всадник
Не скачет за мной.

* * *

Была Любовь,
Была сомнений смута.
Надежды были.
Молодость была.
Да, молодость была,
Но почему-то
Она большого счастья
Не дала.

Она ушла,
Но слезы не прольются.
Ушла.
Иди.
И не зови, трубя.
Нет, не хочу я
В молодость вернуться,
Вернуться к дням,
Где не было тебя.

* * *

Жизнь поэта –
Не простая штука,
Если он страстями опален,
Жизнь поэта,
Да не жизнь, а мука,
Если он влюблен, –
А он влюблен.

Пошутил
Веселой эпиграммой,
Подмигнул звезде –
И мир разъят.
Вот уже ему
Семейной драмой,
Мировой трагедией
Грозят.

Милая моя,
Мы счастьем бредим
Большим,
Чем встречаем наяву.
В наших душах
Тысячи трагедий...
И еще одну
Переживу.

* * *

В этом
Нет моей вины
И отчаиваться нечего.
У поэта нет жены,
У поэта только Женщина,

Только Женщина – да, да! –
Пусть простит мне жизнь убогая,
Только-только та одна,
Недоступная,
Далекая.

Только та,
Что темноту
Отгоняла светом вымысла,
Только та, что красоту
Из моих мечтаний вынесла.
Мой порыв ее вознес
Выше нашей повседневности,
Выше горя,
Выше слез,
Выше страха,
Выше ревности.

В ней –
Все чудо,
Все мое.
Но тебя люблю ведь тоже я,
Потому что на нее
Ты немножечко похожая.

* * *

Не ходим
В эстетической уздечке,
Изысканность –
На кой нам черт нужна!
О Женщине красивой,
Как о печке,
Мы говорим:
«Неплохо сложена...»

* * *

«Не изменяй!» –
Ты говоришь любя.
«О, не волнуйся,
Я не изменяю.
Но, Дорогая...
Как же я узнаю,
Что в мире нет
Прекраснее тебя?»

* * *

Пришла
И чуткою
И нежною
Ошеломить
И потрясти.
Пришла ко мне,
Чтоб душу грешную
От самого себя
Спасти.

А у моей души
Есть правило,
И я воздать
Не прочь ему:
Коль ничего в ней
Не оставила,
То и стучаться
Ни к чему.

С изменами,
С любовью,
С чарами
Душа моя –
Что к ней влечет?! –

Как лавка
С хрупкими товарами,
Закрыта
На переучет.

* * *

Любил,
Как сон,
Прелестную,
С мечтой
И грустью в облике,
Любил полунебесную,
Стоящую на облаке.

Не видел,
Как менялася
С бедою неутешною,
Не видел, как спускалася
С небес
На землю грешную.

Не тихую,
Не слабою,
Но рано песню певшую,
Увидел просто бабою,
Уже отяжелевшую.

Такая
И встречается,
Такая мне и любитя.
Мой вкус
Перемещается
От Рафаэля
К Рубенсу.

* * *

Он был ворчун –
Не больше, чем любой.
Она ж его
За это укоряла,
Она ему
Частенько повторяла:
“ Что будет
В старости с тобой!»

Шли годы...
Он ворчал.
Она ворчала.
Он ей упрек,
Она его в штыки:
«Что будет в старости...» –
И замолчала.
Они давно уж
Были старики.

* * *

Что за чушь
Слышу я,
Как не стыдно лгать,
Будто жены мужьям
Не дают дышать.
Вот моя
Не корит,
Будто не грешил.
Как приду, говорит:
«Ну-ка подыши!..»

* * *

Молодая береза
Совсем не белая,
Белой береза
Бывая зрелая.

Та не рябина,
Что днями поздними
Птиц не поманит
Красными гроздьями.

Та не девушка,
Не красавица,
Если никто
На нее не зарится.

* * *

Гляжу я,
Глаз не отрывая,
Когда во всю длину и ширь
Ты распахнешься милым краем
Со странным именем – Сибирь.

Шепчу лесам,
Лугам и плесам:
“Родимый край,
Я – твой. я – твой!»
Неутомонные колеса
Весь день стучат:
“Домой! Домой!»

Мне видно из окна, как справа
Летят в обратные кусты,

И слышно, как на переправах
Гремят железные мосты.

И за уральскою стеною
Осталась та,
Осталась та,
Не забываемая мною,
Моя любовь и маета.

Я долго жил,
Как птица в клетке,
И вот взлетел,
И вот взлетел!..
По озорным глазам соседки
Я вижу, что помолодел.

* * *

Остаток дня нам вместе мчаться,
В окно открытое глядеть,
От близости чуть-чуть смущаться
И легкой робостью робеть.

Пусть молодые сны мне снятся,
Что не приснятся старичкам,
И пусть в груди моей теснятся
Все ощущения новичка.

Так чисто,
Так звонкоголосо,
Как будто, радуясь со мной,
Неугомонные колеса
Стучат, стучат:
«Домой! Домой!..»

* * *

Мы с нею
Повстречались вновь,
Но легкомысленная женщина
Забывла, что ее любовь
Была мне
В юности обещана.

Лишь разговор –
И вновь прощанье.
Глаза лукавые цветут
Все тем же
Милым обещаньем,
Которого три года ждут.

* * *

Меня хулят,
Меня корят
За то,
Что все еще
Влюбляюсь.
«Преклонный возраст», –
Говорят.
Да, это правда.
Преклоняюсь!..

УТРАТЫ ЛЮБВИ

* * *

Средь черных
Чертовых забот
В тайге угрюмой,
Как ненастье,
Чету берез увидел черт
И воспылал к березе
Страстью.

Его любимая была
Стройна и девственно бела.
Влюбленный черт,
Пленный белым,
Стал целовать
Нагое тело.

Не овладев ее красой,
Заплакал черт,
Как плачут черти,
И черной чертовой слезой
Березу белую отметил.

* * *

Не за слезы ли,
Что лила,
Меня женщина
Прокляла...

Телефон звонил оголтело,
Будто колокол с каланчи.
“Проклинаю вас!» – долетело,
И все смолкло в глухой ночи.

Засмеялся.
Заснуть бы снова,
Дикий выкрик,
Как сон, заспать,
Только стало ночное слово
Странной тяжестью обрастать.

Есть слова,
Они роковые,
Когда люди их говорят,
В них на сроки все вековые
Отлагается жизни яд.

Смысл их древний бывает жуток,
Злая магия, входит в дых.
С ними, темными, не до шуток.
Кто ж мне бросил
Одно из них?

Мне казалось,
Мои объятья
Ни одну не сделали злей.
Но я проклят, и то проклятье
С каждым годом все тяжелей.

Все сильнее догадки мают,
Все труднее избыть мне их:
Посторонних не проклинают,
Отверженьем не бьют чужих.

Не за слезы ли,
Что лила,
Меня женщина
Прокляла...

* * *

Душе безысходней,
Как будто весь мир сиротлив.
У моря сегодня
Какой-то печальный мотив.

Как будто тоскует
О верной,
О вечной любви,
Как будто толкует
О всех, кто остался в глуби.

О Черное море,
Зачем же о берег так бьешь?
О Черное море,
Тоскуя, не жертвы ли ждешь?

О Черное море,
Готов я к любому броску...
Неужто собою
Твою утолить мне тоску?

Прости меня, море,
Что медлю,
Что в мире тревог

Насытиться жизнью
Я, Черное море, не смог.

Печалью певучей
Над теми, кого не спасти,
О Черное море,
Не мучай,
Не мучай...
К любви отпусти!

* * *

Знакомо,
Как старинный сказ,
Уходят женщины от нас.
Они уходят
И уносят
Холодный блеск
Холодных глаз.

Была нежна
И влюблена,
Была так долго
Мной пьяна.
Так неужель
В ней не осталось
Ни капли
Моего вина?

Зачем любить?
Зачем гореть?
Зачем в глаза
Другой глядеть?
Увы! Уму непостижимы
Две тайны:
Женщина и смерть!

* * *

В глазах твоих,
Чужих и злых,
В липучей тине дно.
Измена даже в помыслах –
Измена все равно!

Душа моя
Восстанет вся,
Восстанет – стает снег.
Неверная,
Расстанемся,
Наверное, навек.

С незажитыми ранами
Уеду,
Бредя елями,
Лечить себя
Буранами,
Целить себя
Метелями!

* * *

Было все.
Всего нелепей
Заклинал ее: страшись!
Поклянись на белом хлебе,
Поклянись на белом снеге,
Синим небом
Поклянись!

Было все.
Всего нелепей

Клятва ее звучала страсть.
И клялась на белом хлебе,
И клялась на белом снеге,
Синевой небес
Клялась.

Потеряла клятва силу,
Потеряла клятва власть.
Покляла и изменила,
Изменив,
Опять клялась.

* * *

Уйдет Любовь,
С тобой повздорив,
Ты ей не мсти,
Прости ее.
Не умножай
Чужое горе,
Не увеличивай свое.

Несчастье,
Как чума,
Опасно.
Таящий вирусы обид,
Один заблудший
И несчастный
Несчастьем
Сотни заразит.

Страшно покинутых
Страданье,
Когда оно плодит собой
То жалких,
Ждущих подаянья,
То злых,
Готовых на разбой.

* * *

Все открыто,
Все наружу,
Но уже шепчу, скорбя:
Закрывай, Василий, душу,
Не выстуживай себя.

Стали глубже норы лисьи,
Стал пышнее ворс лисят...
Листья...
Листья...
Листья...
Листья
Золотой пургой летят...

Кружат...
Кружат...
Кружат...
Кружат
В слезной скуке ноября.
Закрывай, Василий, душу,
Не выстуживай себя.

БЕЛАЯ РОЗА

Со всеми ждала,
Сторожила тепло,
Потом зацвела,
Когда все зацвело.

Белели купины,
Как взлет лебединый:
Терновники,
Яблони,
Вишни,
Рябины.

Раскрыла бутон,
Красоты не тая,
И белая-белая
Роза моя.

Пчелы отпели,
Шмели отгудели,
С веселых деревьев
Цветы облетели.
Уже и плодам
Наступил свой черед,
А белая роза
Цветет и цветет.

Росла,
Наливаясь,
Зеленая завязь,
Округлились вишни,
На зорях румянясь,
А роза моя
В перевозданной чести
Еще продолжала
Цвести и цвести.

Над нею,
Некрасной,
И время не властно,
Цвела она пышно,
Цвела она праздно,
Цвела все отчаянней
День ото дня,
Любимая
Белая роза моя.

К плодам,
Будь лишь влага,
У яблони тяга.
Старался, работал

Мой сад, работяга,
Скрипел и вздыхал
От тяжелых плодов
И ей не прощал
Ее белых цветов.

Бутоны,
Бутоны,
Стриги, как купоны,
Она презирала
Природы законы.
Она оставалась
Такой, как была,
Она красовалась,
Пышна и бела.

И сад мой
С досадой
Желтел от надсады.
Смеялась она
Над усталостью сада.
И я разлюбил
И уже не люблю
Беспечную
Белую розу мою.

* * *

У моей
У любви,
У страсти
Больше нет
Над тобою власти.

Власть ушла
В расцвете,
В богатстве,
Как уходит власть

В государстве.

Власть ушла,
И люди смеются:
Дескать, свергнут
Без революции.

Ты в каком-то
Чужом режиме,
Как чужая,
Ходишь с чужими.

Не боишься
Ты взгляда злого,
Не томишься
В любви
От слова.

Мне теперь
И любовь
И дружба
Как премьеру
Простая служба.

* * *

Говорят,
Что Красоты не стало.
И река, и берега в снегу.
Польхают ветки краснотала
На крутом
На белом берегу.

Холодно.
Безоблачно.
Бесстрастно.

Приутихли даже ветерки.
Среди белых кружев так прекрасно
Незастывшее лицо реки.

Все как в сказке:
Стубленная злыми,
Принявшими самый добрый вид,
Между берегами снеговыми
Мертвою царевною лежит.

Никого вокруг себя не вижу.
Только я,
Наполнив болью грудь,
Только я один сегодня вышел
Проводить ее в последний путь.

Только я один ее утрачу,
День запомнив этот и число,
Только я один стою и плачу,
Будто мне
Опять не повезло.

НАДПИСЬ НА КАМНЕ

Мне тяжело.
Люди со мной
Становятся честными.
Они разговаривают
Как на исповеди,
Особенно женщины,
Которых мог бы любить.

Мне всех тяжелей.
Я похож на бога,
Но не настолько великого,
Чтобы прощать.

* * *

Я видел:
Еще до рассвета
Он шел от тебя, точно вор.
Как только увидел я это,
Тебя ненавижу с тех пор.
О, как ненавижу!
Ну кто ты?!
И так, ненавидя, люблю,
Что вымажу дегтем ворота
И окна тебе разобью.
В подъезде забесятся львицы,
Твою сторожившие честь.
Плевать мне на то,
Что в столице
Смешна деревенская месть!

* * *

Все равно
Нам с тобою не слиться,
Как сливаются вольные реки.
Ревновать буду часто и злиться,
Как ревнуют и злятся
Калеки.

Дорогая,
Волной серебристой
Мы, сойдясь, не покатымся оба.
Даже в речке большой,
Но небыстрой,
Ты осталась бы речкой особой:
Беспокойной,
Всегда серебристой.

Но и тихие реки весною,
До краев наполняя излуки,
По долинам,
Дразня белизною,
Тянут к милым
Разливные руки...

Без тебя мне
И больно и грустно.
Навсегда расставаясь с тобою,
Я свое помелевшее русло
Берегами крутыми прикрою.

* * *

Как Душою ни бьюсь,
Ни кричу
От ударов изменческих,
Ничего не боюсь –
Глаз боюсь человеческих.

Есть,
Не спорю, – идешь,
И, как часто бывает с поэтами,
Взгляды нежные рвешь
И уносишь букетами.

Есть такие,
Что жуть,
Даже нет никакой
В них подробности.
Не успеешь взглянуть,
Как увидишь две пропасти.

* * *

Еще недавно нам вдвоем
Так хорошо и сладко пелось,
Но вот гляжу в лицо твое

И думаю:
«Куда все делось?»»

Но память прошлое хранит,
Душа моя к тебе стремится...
Так, вздрогнув,
Все еще летит
Убитая в полете птица.

МАТЕРИ

Есть такой порыв неодолимый,
Когда все высокой страстью дышит
Пишет сын стихи своей любимой,
Только писем
Он тебе не пишет.

Не писать же в них,
Что не на шутку,
Как отец кулачный бой и пьянку,
Полюбил он вопреки рассудку
Легкую, как ветер,
Москвитянку.

Вся она
Сплошное заблужденье.
Нужно – до чего невероятно! –
Возвратиться с ней
К ее рождению,
А потом
Вести ее обратно.

Верю я,
Что люди очень скоро
Подобреют в мудрости глубокой,
Но любовь, как яблоко раздора,
Навсегда останется
Жестокой.

Ты прости,
Совсем небоязливым
Прикоснулся я
К такому стану
И такому сердцу,
Что счастливым
Никогда, наверно,
Я не стану.

* * *

Голова моя,
Головушка,
Недомога и разлад.
Будто вызревшее полюшко,
Поприбил мне кудри град.

Помню,
Любовались озимью,
Отмечали рост и стать.
Значит, беден,
Значит, осенью
Пышной свадьбы
Не играть.

Думал,
Жизнь переиначится,
Зашумит рекой в разлив.
И тоскуется,
И плачется
На есенинский мотив.

* * *

Немало встречал я
Красавиц бедовых.
Что ж гонит меня
В переулки Садовых
По свежему снегу,

По белому насту?..
Такое со мною
Бывает не часто.

Не поздно ли?
Поздно.
В любовные сети
Не надо запутывать
Добрых соседей.
Не лучше ли тихо,
Сторожко-сторожко,
Условною дробью
Пройтись по окошку.

Крадусь пустырями,
А сердце все ноет:
Откроет ли поздно?
Откроет!
Откроет!

Когда бы спешил,
Не увидел бы мету,
Что шел я к окну
По готовому следу.
Тогда б не услышал,
Сойдясь со стеною,
Что весело милой
С другим,
Как со мною.

Не надо стучаться.
Не надо стучаться.
Не надо встречаться.
Не надо встречаться.

С любовью такую
Теперь не ужиться.

Пойду за метелью
Свистеть и кружиться.

Насмешкой
Над нежностью
Чувств непочатых
Пятнает мне сердце
Следов отпечаток,
Пылает обида
Ночного размена.
Кричу всему свету:
Измена!
Измена!

Сегодня метель –
Для неверной подмога,
Она замедает
Следы до порога.
А снег,
Что в открытую душу
Влетает,
Все тает,
Все тает,
Коснется – и тает...

* * *

Мне житейская мудрость
Известна давно:
Грусть и боль –
Это сестры незнанья.
Когда сердце
Всему вопреки влюблено,
А в ответ
И надежды любви не дано,
Вместо радости –
Только страданье.

Голос разума
Сердцу умолкнуть велел.
Не сержусь,
Что с тобою разняли.
Благодарен за то,
Что ты есть на земле,
Знал я то,
Что другие не знали.

Сердце было
Случайной улыбкой пьяно.
Счастье жду
Терпеливо опять я.
Когда ты на земле,
То возможно оно.
Ясным утром
Не веришь, что было темно,
Что у ночи
Мы были в объятьях.

Разум сердцу внушал:
Эту ночь не пройти,
Она землю
Кругом охватила.
Благодарен за то,
Что на трудном пути
Ты недолго,
Но ярко светила.

* * *

Плачь.
Пусть слеза прольется,
А ты себе живи.
Тебе легко живется
И в Жизни
И в Любви.

Страдай.
Твое страданье,
Увы, невелико.
Рыдай.
Твое рыданье,
Как у детей,
Легко.

Но все твои печали,
Как воды по весне,
Подземными ручьями
Изроют Душу мне.

* * *

Я ушел.
Ни к чему теперь вздохи.
Между нами
Со всей высотой
Стены,
Стили,
Этапы,
Эпохи,
Просто камень
И воздух седой.

Я ушел.
Между нами – века.
Вот как ты далека!

* * *

Ты говоришь:
Я мщением дышу.
Ты говоришь:

Я мертвых ворошу.
Ты говоришь:
Мне ничего не жалко.

Неправда!
Жалко.
Но моя душа
Неумолима,
Как землечерпалка
С железным скрипом
Грузного ковша.

Она других
Не знает направлений;
Она пройдет,
В желаниях чиста,
И по следам
Твоих захоронений,
Где даже не поставлено
Креста.

Рабочей быть
Дано душе не каждой.
Я благодарен
Даже в час беды,
Что наделен
Неистребимой жаждой
Докапываться
До живой воды.

А ты твердишь:
Я мщением дышу!
А ты коришь:
Я мертвых ворошу!

РЕКВИЕМ

Пусть
Мы друг друга
Разлюбили.
Но жизнь мою,
Любовь мою
Не торопись
Толкать к могиле, –
И так качаюсь
На краю.

Я, в счастье
Веривший глубоко,
Себя от счастья
Отрешил.
Уйду из жизни
Без упрёка,
Довольный тем уже,
Что жил.

Довольный тем,
Что полной мерой
Мне было радости дано.
А без любви мне,
Как без веры,
И безысходно
И темно.

Все унесу,
Твой добрый гений,
Твой легковёрный
И смешной.
Всю горечь
Многих заблуждений
Ты можешь схоронить

Со мной.
Пусть экскаватор
Полной горстью,
Однажды вороша погост,
Мои изломанные кости
Швырнет
На глинистый откос.

И пусть!
Пусть будет все,
Что будет.
Приму любую из порух.
Чтоб стали радостнее
Будни,
Хотя бы
Одному из двух.

* * *

Чему сердце молилось,
Отошло навсегда.
Надо мною
Звезда закатилась,
Закатилась звезда.

И горела нежарко,
Не давала тепла,
И светила неярко,
Но все же была.

Я стоял под звездою,
Дожидался зари.
А теперь
Только место пустое,
Смотри не смотри...

* * *

В наше Счастье
Веры больше нету.
Мне обидно, что в чужом краю
Принял я за чистую монету
Легкую привязанность твою.

И не то мне жаль,
Что, пламенея,
Я тебя и нежил и ласкал.
Жаль мне то,
Что, от тебя пьянея,
Я своей Любимой
Не искал.

Поглядеть бы
На Любовь-потерю,
Тронуть кудри
Ласковой рукой...
В мире есть такая.
Я не верю,
Чтобы в мире
Не было такой.

Может, поздно?
В муках угрызений
Сердце бьется
В поисках порук.
В мире было столько потрясений,
Столько было горестей...
А вдруг?

Может быть,
В надежде тосковала,
Все ждала
И уставала ждать?..
Может, ей меня недоставало,

Чтобы жить
И в Жизни устоять?

Есть Такая!
Каторжной работой
Сто каналов
К ней готов прорыть.
Если Сердце
Бьется для кого-то,
Значит, этот кто-то
Должен быть.

* * *

Мне сказали:
Полно, море смоег
Боль обид
И пыль земных дорог.
Мне сказали:
Море успокоит
Ото всех
Прилипчивых тревог.

Вот и море!
Вот оно волною
Гальками прибрежными
Шуршит.
Ничего,
Что пережито мною,
Не смывает,
Только ворошит.

* * *

Уйти?
Уйду!
Такой тропюю,
Чтобы сам черт найти не смог.

Да, это правда,
И с тобою
Бывал я часто одинок.

Бывало, надвое расколот,
Сидел я в смутной тишине,
И часто отчужденья холод
Закрадывался в душу мне.

Пойми,
От сладкого начала
До этих поздних горьких дней
Ты безотчетно расточала
Мою любовь,
Не дав своей.

И нисходило к изголовью
Виденье юности... Тогда
Перед ее большой любовью
Во тьме
Сгорал я со стыда.

И на тебя глядел я строже –
Как на минувшую беду...
Ну, что же, милая,
Ну, что же,
Ты говоришь – уйти?
Уйду!

* * *

До того,
Как средь множества прочих
На твоей появиться земле,
Мимо звезд, набежавших из ночи,
На стальном я летел корабле.

Наши сроки межзвездные кратки:
Там минута – здесь жизнь.

Не таю,
Лишь на время одной пересадки
Забегал я на землю твою.

Забегал,
У огня отогрелся
И так многое сделать хотел,
Но в глаза я твои загляделся
И успеть
Ничего не успел.

А меня уже –
Ты ведь не слышишь –
Мой корабль отдохнувший зовет;
Тише ветра,
Дыхания тише
Он сигналы свои подает.

И хочу я,
Согласно науке,
Чтобы ты уже с первого дня
Бесконечной
Последней разлуки
Улетевшим считала меня.

* * *

Где плыву?
Куда причалю?
Ты не гнишь,
Мое весло.
Не заметил
Как печалью
Лодку в горе
Унесло.

А у горя,
Как у моря,
Волны черные дики.

И Любовь,
Со мною в споре,
Погасила маяки.

Ты плыви,
Плыви далеко.
Спорь с туманом
Над волною.
И красива
И жестока,
Но жестока
Лишь со мною.

* * *

Иду,
Кладу упрямый шаг.
Мне горю уступить не хочется.
Ночь ухватилась за пиджак,
Упала наземь
И волочится.

Мне от нее не убежать.
Не только ночь руками черными,
И ветер хочет удержать
Слезами,
Вздохами притворными.

Все о тебе,
Все за тебя!
Под ветками заиндевелыми,
Тобою память бередя,
Блестят сутробов
Груды белые.

Иду по ним.
Не сворочу.
Я поступью неудержимую
Не красоту твою топчу,
Топчу твою повадку лживую.

* * *

Ты у меня в гостях была,
Потом ушла в рассвет...
Потом поземка замела
Твой легкий лыжный след.

Потом его мороз сковал,
И я жалеть не стал.
Не по тебе я тосковал,
Не по тебе страдал.

А в марте таяли снега.
И, вскрывшись по весне,
Через лога,
Через луга
След снова вел ко мне.

Пришел апрель.
Уже в конце,
Упрямей всех замет,
Как на хрустальном поставце,
Лежал твой лыжный след.

* * *

Сдержаться в чувствах
Не умеючи,
С тобою часто ссорюсь я.
Какие-то пустые мелочи
Мешают видеть мне тебя.

В дороге
Мелкое теряется,
В дороге с каждою верстой
Все больше, больше
Проясняется
Тот, настоящий,
Образ твой.
Опять люблю,
Тревог не ведая,

И только в мыслях
Не решу:
Что это?!
От тебя же еду я,
А кажется,
К тебе спешу.

«НЕИЗВЕСТНАЯ»

Если белые вихри
Навстречу летят,
Проезжая село,
Не погреться рискованно...
В Кулундийской степи,
В третьей чайной подряд,
«Неизвестную»
Мы повстречали Крамского.

И пока чистим ржавую воблу,
Пока
Делим горькую водку
По стопке на брата,
«Неизвестная»
Смотрит на всех свысока,
Приподняв
Свои длинные брови
Крылато.

Под бровями
Тенистых ресниц густота,
Под ресницами грусть
И чуть-чуть удивленье,
В добрых линиях губ –
Чистота, красота,
О которых тоскует
Мое поколенья.
Отогрелась душа,
И оттаяла боль,

Незажившая рана,
Как прежде,
Заныла...
Гроздь увидев
Косы ее темной,
Как смоль,
Вспомнил ту,
Что своей красоте
Изменила.

Мне обидно до слез,
Что её улестил
Тот, кто нашей мечты
И на шаг не приблизит.
А вот эта,
Которой я все бы простил,
Не обидит других
И себя не унизит.

А вот эта,
Дающая крылья мечте,
В кулундинскую глушь
Не могла не явиться,
Чтобы мы,
Пробиваясь
К Большой Красоте,
На суровом пути не могли
Заблудиться.

Нас не случай
В холодные степи занес,
Мы давно
Человеческой радостью
Бредим.
Мы выходим за дверь.
Пусть крепчает мороз
И бушует пурга
На дорогах, –
Доедем!

* * *

Я жил – не заметил
Ни дня,
Ни причину,
Что первую мне
Прописала морщину.

Я жил – не заметил,
Пора спохватиться,
Что было мне двадцать,
Что стало мне тридцать.

Я жил – не заметил;
Заметив, не плачу,
Что много утратил,
Что больше утрачу.

Желанному счастью
Шагая навстречу,
Я, может быть,
Встретив его,
Не замечу.

* * *

Семнадцать...
Двадцать...
В годы те,
Что понимал я в красоте?!

Румянца ль видя густоту
Иль бровь, приподнятую круто,
Я счастлив был,
Я красоту
С беспечной молодостью путал.

Теперь мне далеко за тридцать,
И потому тоскливей пса
Бездомного
Гляжу я в лица,
Ищу любимые глаза.

Ровесниц вижу увяданье –
Уже не юности расцвет,
А пережитого страданья
Милей мне
Благородный след.

Давно забылись
Дни свиданий,
Но то стыдливей, то бойчей
Свет запоздалых ожиданий
Все светится в глуби очей.

Румянец спал
Пыльцой цветочной,
И бровь непросто приподнять.
Та красота была непрочной,
А эта...
Эту не отнять.

* * *

В дни юности
Со всею силой
Моей пристрастности
Земной
Любви и счастья
Образ милый
Был с чистым сердцем
Создан мной.

Да, да, скажу:
Любовь – не малость.
В дни битв,
В дни горя и тревог
Мне счастье, говорю,
Давалось,
Но быть счастливым
Я не мог.

Нас развела
Ее несмелость.
Когда весь мир
Стонал в огне
И содрогался,
Так хотелось,
Чтоб кто-то
Думал обо мне.

О, равнодушие!
Пусть измает,
Но если тело
К телу в плоть,
То плоть твоя
Сама признает
Мою тоскующую плоть.

Молил:
«Останься!»
Сердце стыло,
В крови гудел
Девятый вал.
Я заклинал
Рождением сына,
Землей и Небом
Заклинал.

Пусть будут
Муки и лишенья,
Пусть судят
Лживые уста.
Бог тоже шел
На прогreshенье
В рожденье
Своего Христа.

Роди мне сына!
Сны пророчат
Величие земле моей.

Мой сын на Небо
Не захочет,
Он вечно
Будет верен ей.

Он будет верен
Вере павших,
Своею смертью
Смерть поправших,
Он будет верен
Славе их
И верен
Чаяньям живых.

Просил,
Но умирало слово,
Исторгнутое из груди.
Вымаливал:
“Роди такого.
Ты можешь.
Ты должна.
Роди!»

Смысл
До жестокости суровый,
Она в ответ
Вложила свой:
“Я вижу,
Как страдают вдовы.
Мне, милый,
Страшно стать вдовой».

Расстались мы,
И я не очень
Ее, пугливую, виню.
С тех пор
Среди достоинств прочих
В любви
Я мужество ценю.

ДРУГУ

Не удивляйся,
Что умрешь.
Дивись тому,
Что ты живешь.

Дивись тому,
Что к сердцу близко
Однажды ночью голубой
Горячая упала искра
И стала на земле тобой.

Не скифом
И не печенегом,
Минуя сотни скорбных вех,
Ты сразу гордым человеком
Явился
В наш двадцатый век.

Мы – люди.
Нас легко обидеть.
Но ты подумал ли хоть раз,
Что я бы мог и не увидеть,
Мой друг,
Твоих печальных глаз?

Нас, гордых,
Жизнь не стала нежить,
Нам горький выдался посол.
Мы люди,
Нас легко утешить
Напоминаям больших зол.

В любви,
В крови,
В огне боренья,

Со славой тех, кто первым пал,
Сменялись,
Гибли поколенья
За это все, что ты застал.

Все чудо:
Солнце, весны, зимы,
И звезды, и трава, и лес.
Все чудо!
И глаза любимой –
Две тайны
Двух земных чудес.

Да будь я камнем от рожденья,
Я б в жажде все одолевать
Прошел все муки превращенья,
Чтоб только
Человеком стать.

Не удивляйся,
Что умрешь.
Дивись тому,
Что ты живешь.

1948

ВЕРНОСТЬ ЛЮБВИ

ОСЕННИЕ СТРОКИ

В глуши,
В тиши лесной,
Напомнив неудачу,
Ты плачешь надо мной,
А я еще не плачу.

Пророчишь мне беду,
Гнетешь тоской – неси, мол!
Ты равная в ряду,
Ты для меня не символ.

Тобой люблюсь я
И торжествую, зная:
Ты осень не моя,
Ты осень проходная.

Ты листьев намела,
Зажгла березок свечи.
Ты, осень, мне мила,
Как путевая встреча.

Как ту не позабыть,
Которую от скуки
Успел я полюбить
В последний час разлуки.

Любя ее черты,
Шепчу ей: «Дорогая,
Судьба моя – не ты...
Мне суждена другая».

* * *

Изо всего того,
Чем люди дышат,
Что не дает
Качнуться и упасть, —
Есть Красота.
Она из благ всех выше,
А выше красоты
Лишь Страсть.

* * *

В любви
И радостях
Изверься,
Живу тревожней,
Чем в бреду,
Живу и
Все чего-то жду,
На что-то
Все еще надеюсь.

А мне поют:
Люби, как птицы.
Щебечут мне:
Играй вничью.
Года велят:
Пора смириться.
А я смириться
Не хочу.

Как мне постылы
Назиданья
Покорности:
Страдай!
Терпи!

Я в мир пришел
Не для страдания,
Пришел для счастья
И любви.

Любовь
И счастье есть,
Я знаю:
И сам любил
В былые дни.
И мучаюсь я,
И страдаю
Лишь потому,
Что есть они.

И потому,
Во всем изверясь,
Встречая
За бедой беду,
Я все еще
Чего-то жду,
На что-то
Все еще надеюсь.

* * *

Когда
В пристрастии к труду
Я утешенья не найду,
И в дружбе не найду
Отрады,
И не найду в любви
Награды,
Усталый,
Наземь упаду.

И только ты
Меня поймешь,
И только ты
Меня спасешь:
Усталого с земли
Поднимешь,
За плечи скорбные
Обнимешь
И снова
К жизни поведешь.

ВЕСНОЙ

Во мне,
И почему – бог весть,
Когда весна еще в начале,
Есть что-то смутное и есть
Какой-то холодок печали.

Но мысли сердце обожгут
И боль сильнее обозначат...
Почудится, что где-то ждут
И, не дождавшись, тихо плачут.

Все, что любил,
Все, что хотел,
Коснется вдруг сердечных граней.
Как груз незавершенных дел
И неисполненных желаний.

И ничего
Не отложить,
Ни от чего
Не отрешиться.
Мне время это пережить –
Как будто заново родиться.

РЯБИНА

Мне даже страшно –
Так она тонка.
Так высока!
При каждом резвом звуке
Дрожит
И от любого ветерка
Все гнется
И заламывает руки.

Придет гроза,
И буря налетит,
Всю до земли согнет
И распластает...
Гром отгремит,
Громада туч истает.
Взгляну в окно:
А тонкая стоит!

(опубликовано в первом издании)

БЕРЕЗОВЫЙ РАЙ

С каждым годом
Сны мои капризней.
Снилось мне,
Что для твоих услад
И твоей любви
Ценою жизни
Небывалый
Вырастил я сад.

В том
Моем саду,
Как ты хотела,
Как хотел и я,

Берясь за труд,
Понимаешь,
На березах белых
Золотые
Яблоки растут.

Сколько чистоты
И сколько света
Пролилось
На голову мою!
Ничего не знал...
Но знал, что это
Был мой рай.
И ты – в моем раю.

Загрустила,
Будто и некстати.
Весь в плодах
Небесного литья,
Сад березный
Вырос на закате
Нашего с тобою
Жития.

И тогда –
В дымках,
В накрапах росных –
Я сорвал,
Чтоб не грустила ты,
Со своих березок
Плодоносных
Тяжкие
И жесткие плоды.

Первым надкусил,
Напропалую –
И живой огонь
Коснулся рта...

И по телу,
Как от поцелуя,
Потекла
Густая теплота.

Охватило
Сладкое отчаянье,
Боль восторга.
По глазам твоим,
Широко открытым,
Как прощанье,
Увидал себя я
Молодым.

Сон ушел.
Я стал мудрей и старше.
В лес хожу
Под белое деревье.
Где-то в листьях,
Только что опавших,
Затерялось
Яблочко твое.

* * *

Ветер ходит метелицей,
Ветер ходит пургой,
Как на чертовой мельнице,
Хлещет белой мукой.

Я шагаю к единственной,
Пробиваясь плечом;
Я сегодня воинственный,
Мне пурга нипочем.

Среди ревностью мучимых,
Средь не знавших средин,
Среди смелых и влюбчивых
Я, такой, не один.

Может, ветер, как веником,
Разметая пути,
Дует в спину соперника,
Помогая идти.

В нетерпенье неистовом,
Все вперед и вперед,
Я беру, словно приступом,
За суметом сумет.

Ветер ходит метелицей,
Ветер воет пургой,
Как на чертовой мельнице,
Хлещет белой мукой.

* * *

Наш путь –
Не воздушная трасса.
Прошедший огни коммунист,
Боец восходящего класса
И в чувствах
И в помыслах чист.

Пусть тело сколочено грубо,
Он вам, стебельки, не чета –
В нем сердце живет однолюба,
Одна им владеет мечта.
Он знает одну откровенность,
На лжи ты его не лови.
Как знамени алому верность,
Он верность хранит и в любви.

Невзгоды походов и странствий
Такому легко перенести.
Романтика есть в постоянстве,
Романтика в верности есть.
Я тоже хитрить не умею

И чувством живу дорогим,
Но встречусь с таким и жалею,
Что в чем-то я не был таким.

* * *

Сопrotивляясь темной силе,
Ее жестокости тупой,
Мы друг за друга заплатили
Ценою слишком дорогой.

Шли,
Не искали, где полегче.
Того, что взяли, не спасли.
Шли долго, и до нашей встречи
Мы юности
Не донесли.

Дорога та
Полжизни длилась.
Она такой глухой была,
Что терпеливая наивность
Отстала
И не догнала.

В любви попутной
Спозаранку
Забылась где-то чистота,
И горделивую осанку
Сменила просто прямота.

Бывало,
Что слабели силы,
Когда шагали через боль,
Оглядываясь на могилы
Тех, с кем делили
Хлеб и соль.

И все потери,
Все утраты,
Все, что лишь в памяти таю,
Мы жизни отдали в уплату
За позднюю любовь свою.

Не говори,
Что отлюбили,
Что сердцу
Время на покой.
Мы друг за друга заплатили
Ценою слишком дорогой.

СЕВЕР

В лицо нам ветер бьет морской.
К Полярному пришли мы кругу,
И сердце полнится тоской,
Тоскою севера по югу.

Неизъяснимою тоской
По нашей беленькой березке.
По солнцу,
По твоей прическе,
Придуманной когда-то мной.

Где трав зеленые шелка?
Здесь мхи пестреют, как заплаты,
Вот так в одежду бедняка
Притворно рядится богатый.

Здесь иву стужей повело,
А на глубинах, под кустами,
Окаменевшее тепло
Лежит тяжелыми пластами.

За склады
Каменных углей,
Прикрытых мохом и морошкой,
Холодный север,
Как людей,
Встречаем мы не по одежке.

* * *

В своей
Скитальческой судьбе
Я много думал о тебе.

Словами строгими,
Как в гимне,
Не помышляя о тепле,
Я думал:
Все пути легки мне,
Пока ты ходишь по земле.

Я думал,
Думаю и ныне,
Что справлюсь
С трудностью любой,
Пока мой разум не покинет
Надежда встретиться с тобой.

Я думаю:
Ничтожны муки,
И сколько ни пришло бы их, –
Пока приветливые руки
Касаться будут рук моих.

Но в эту ночь по Барабе
Такие ветры завывали,
Что даже мысли о тебе
Меня уже не согревали.

Застыли ивы в декабре...
И я под вой пурги истошный
Припал лицом
К рябой коре
Холодной ивы придорожной.

О, если бы она дала
В тот час утратившему силы
Хоть толику того тепла,
Которое в себе таила!..

В жестоком
Снежном мятеже,
Когда зарыться в снег охота,
Я замерзал – и глаз уже
Коснулась смертная дремота.

И ты пришла...
И в полусне
Ты все-таки пришла ко мне.

Сквозь непроглядную метель
Идти меня поторопила,
Сказав, что постлала постель
И печку в доме затопила.

И голос твой
Меня увлек...
Разгоряченного от бега
Ты привела на огонек
И растворилась
В хлопьях снега.

Словами строгими,
Как в гимне,
Не помышляя о тепле,
Я говорю:
Пути легки мне,
Пока ты ходишь по земле.

ОСЕННИЙ ЛЕС

В осенний лес,
Как в сон и неизвестность,
Тропинка порыжевшая пряма...
На всем, куда ни гляну,
Вижу трезвость
И строгую задумчивость ума.

Так женщина
С прекрасными чертами,
К покинувшему чувства сохранив,
Сидит весь день
С открытыми глазами,
В колени рукоделье уронив.

Порой в душе
Надежда шевельнется,
Что он,
Как только птицы прилетят,
Припомнит дорогое и вернется...
Глаза, не веря,
Холодно глядят.

Лесная речка
Меж стволов блеснула, –
Я вижу игры волн, давно ручных,
И берега крутые, словно скулы
Сибиряка,
На выгибах речных.

В лесу светло.
Березкам-белоснежкам
Укрыться бы за хвойной темнотой.
Подружки озадачены немножко
И смущены своею наготой.

Как девушкам,
Им не во что убраться,
Как модницам,
Обидно им до слез:
Они вчера разделись искупаться,
А ветер взял и платья их унес.

Озябшие,
Они дрожат и гнутся,
Упрятав ноги в коврики из мхов;
Стыдливые,
Они друг к дружке жмутся
В кругу рябых
Чубатых женихов.

Иду вперед,
Волнуясь и тревожась
За все, что ни увижу пред собой.
Есть в судьбах леса
Маленькая схожесть
С большою
Человеческой судьбой.

* * *

Цветы,
Родившиеся ночью,
Заголубели на заре,
Как будто порванное в клочья,
Лежало небо на траве.

Я вспомнил
Слышанное где-то,
Что небо, захотев вздремнуть,
Ложится на земную грудь
И отдыхает до рассвета.

* * *

Красуясь
Каждым деревцом,
Так кружевно заиндевелым,
Лес, как невеста под венцом,
Стоит в своем наряде белом.

Снег нежен,
Тих и величав,
А солнце зимнее печально,
Меня со сказкой повенчав,
Кольцом играет обручальным.

Играет
Золотым венцом,
Скользит по шпилькам,
По приколкам...
И хочется,
Чтоб долго-долго
Не становился я вдовцом.

* * *

В небесах
Монотонные песни разлук...
От пустынных полей,
От холодной земли
Улетают на юг,
Улетают на юг,
Улетают на юг журавли.

Если сердце устанет
Стучать для людей,
Если страсти
Во мне откипят,
Призову лебедей,
 Попрошу лебедей –
Пусть мне осень мою
Протрубят.

Холмы,
Расшитые узорами,
Не привлекали нас к житью.
Над Хонгурейскими озерами
Гагара плакала – к дождю.

И все окрест,
Все дали дальние,
До еле видимой версты,
Как ненца древние предания,
Туманны были
И пестры.

Я шел
И вдруг остановился
Во власти неизбывных дум.
Вдали стоял твой белый чум,
Над чумом сизый дым курился.

У чума твой стоял олень.
Глядел я,
Как, сметая тени,
По золотым рогам оленя
Восходит
Заполярный день.

Хотелось мне,
Шагая тундрой,
Чтоб в жизни, где бы ни жила,
Но на любой дороге трудной
Ты
Впереди меня ждала.

ЗВЕЗДА

Л. Ф.

Нравнодушная к приметам,
Ты помнишь ли ту ночь,
Когда
Средь звезд,
Горевших ровным светом,
Явилась странная звезда?

Ты помнишь,
Как тебя пугало,
Что та звезда
Средь звезд других
То совершенно потухала,
То разгоралась ярче их?

Так и Любовь.
То вспыхнет тоже,
То вдруг погаснет, на беду...
Она у нас с тобой похожа
На ту капризную звезду.

Мне долго было неизвестно,
Как жизнь планетная течет.
Однажды тайну тел небесных
Открыл мне старый звездочет.

На голубые глядя точки,
Сказал он мне тогда:
«Сравни,
Все эти звезды-одиночки –
Без перемен горят они...

А Ваша,
Что предстала взглядам
Печальным признаком беды,

Не одинока...
Это рядом
Бредут по небу
Две Звезды».

* * *

Как умру,
Мое забудь ты имя.
После ласк в полночной тишине
С лучшими, чем я...
Да, да, с другими
Говорить не надо обо мне.

Жены о мужьях,
Чтоб стыд утишить,
Нежно говорят, других любя.
Мне, когда случалось это слышать,
Больно было так,
Как за себя.

Если спросят,
Что так мало жил я,
Отвечая людям, не таи
То, что я страдания чужие
Принимал все время,
Как свои.

* * *

И на кронах,
И на кронцах
Птицы в мартовском лесу
Уговаривают солнце
Поторапливать весну.

Птицы, птицы!
В дни страданья,
Даже в радостные дни
Ваши птичьи заклинанья
Значат больше,
Чем мои.

* * *

Лучше сразу бы сказала злое,
Чем расстраивать обиняком.
Я тебя ловлю на каждом слове
И на каждом вздохе о другом.

Глупые,
Смешные подозренья!
Но, когда сомнение не спит,
Каждое твое разуверенье
Только лишний повод для обид.

И когда
Всем сердцем негодую
И от боли чуть ли не кричу,
Все же ты не думай,
Что ревную...

Просто я тебя, мою родную,
В жалком свете
Видеть не хочу.

* * *

Когда люблю,
Побочных мыслей нет,
Сама Любовь
Мне кажется великой,
Лишь ею я возвышен и согрет.

Когда пишу –
Мне строчки застыт свет,
Войди Любовь,
Мой взор и не заметит,
Мне в этот миг
Во тьме крошечной светит
Печальный отблеск
Позабывших лет.

Боюсь не смерти я.

М. Ю. Лермонтов

Боюсь не смерти я,
Нет, нет!
И не предсмертного мученья.
Боюсь до смерти отлученья
От увлечений юных лет.

Не то боюсь,
Что Жизнь утрачу,
Но без Любви и без Огня,
Боюсь того, что не заплачу,
Когда разлюбишь
Ты меня.

Не страшно,
Что приду к излому,
Что стану нем и недвижим.
Страшней всего
Всему живому
Вдруг сразу
Сделаться чужим!

* * *

Поднимусь,
Прогоню усталость,
Стану телом гибче и туже.
Я болел, и мне показалось,
Что я миру
Больше не нужен.

Мне о том
Глаза намекали,
Когда, с маху чертя границу,
Чаще прежнего поникали
Непросушенные ресницы.

Жизнь меня
Выставляла на кон,
Мной платила...
И часто мнилось,
Что тобой
Я давно оплакан,
Что со мной
Ты давно простилась.

Лгут, наверно,
Что будто телу
Нету ближе своей рубашки.
Горе мимо тебя летело,
А в меня –
Не знало промашки.

И у воза,
Ставшего косо,
Что мы к Счастью
С тобой катили,
Я хотел подтолкнуть колеса,
А они меня придавили.

Пусть обиду
Посыпят солью, –
Все равно,
Неизбывно маясь,
Даже этой своею болью
Ни за что
Ни с кем
Не сменяюсь.

Не жалею.
Не нужна мне жалость!
Воз-то ждет,
Добротой нагружен.
Я болел, и мне показалось,
Что я миру
Больше не нужен.

* * *

Преодо мною
Новый трудный путь.
Помоги усталость
Мне стряхнуть,
Помоги
От прошлого забыться,
Новые желанья пробуди,
Помоги
Душою обновиться
Для большого,
Трудного пути.

Обнови
От недугов и хворей
И от наговоров обнови,
Ты моя,
Испытанная в ссоре,
В добром мире,
В неутешном горе,
В беспокойном счастье
И любви.

Я шел тропой.
След детства моего
Заштопан был щетинкою зеленой,
Но, как и прежде, у сырых обочин
Цвел пышный дягиль и росла куга.

А чуть повыше –
За дымком зеленым
Молоденьких берез, стоявших рядом,
Черемуха белела, словно платье
Подружки, караулившей меня.

Мне вспомнилась она.
Меж тем тропинка
Вела меня все дальше:
На опушке
Открылось мне село и на отлете –
Двор МТС и пятистенный дом.

Я подошел к крыльцу, и, не гадая,
Не думая о том, как в доме встретят,
Поднялся я на шаткие ступени,
Тихонько постучался и вошел.

Меня не ждали.
Мальчик крикнул:
«Мама!»
На зов его из комнаты соседней
Метнулась женщина, она спросила:
«Вы не к Сергею?»

«Нет, я не к Сергею...»
«А вам кого?»
«Наташу...»
Удивленно
Взлетели брови, и густой румянец

Залил ее лицо, она сказала
Застенчиво и тихо:
«Я Наташа...»

Сказала так застенчиво и тихо,
Как будто предо мною извинялась
За то, что лишь девическое имя
Сквозь годы пронесла без перемен.

Что говорить, она была красива
Неяркою, но милой красотой –
С большими незнакомыми глазами,
С чужим лицом и голосом чужим.

«Так это же ведь ты?!» –
И засмеялась
Тем радостным
И тем задорным смехом,
Как будто это прежняя Наташа,
В ней спрятанная,
Голос подала.

Сначала голос, а минутой позже
Я видел на лице ее красовом,
Хоть все еще чужом и незнакомом,
Те прежние, Наташины, глаза.

И странно было видеть, как меняясь
И голосом, и жестом, и глазами,
То девочка заговорит со мною,
То женщина степенно перебьет...

В своей любви двоиться не умея,
Их слушая, я понял по всему,
Что женщина была верна Сергею,
А девочка, как прежде,
Не ему...

ПАМЯТЬ ЛЮБВИ

КОРШУН

Однажды
Обманул я коршуна,
На редкость резко просвистав,
И коршун
Закружил встревоженно,
Косые крылья распластав.

Сбивая с толку птицу дикую,
Еще призывнее, как мог,
Стонал и плакал коршунихою
Нехитрый травяной манок.

С ответным криком,
Полным страстности,
В бесплодных поисках ее,
В любви
Забывший об опасности,
Он падал на мое ружье.

Оно
Навстречу было брошено...
И все ж я птицу не убил.
Любовь священна.
Даже коршуна
Не трону
В час его любви.

* * *

Я снова жив.
Того не чаю,
Как встречаюсь с вами,
Не почив.
Не трогайте меня печалью,
Я слишком счастлив тем, что жив.

Что вспоминать,
Как меркло зренье,
Как память застилала мгла,
Как трудно по сердцу текла
Кровь гибели
И кровь спасенья.

В ожившем сердце
Счастью тесно.
Скажу вам,
Как не говорил,
О том, как жилы отворил
В мое спасенье
Друг безвестный.

Скажу о мирной,
О всеильной,
О крови,
Подоспевшей в срок.
Ее я подвести не мог
Уступкой
Гостье замогильной.

И вот я жив.
Я вас встречаю,
Не позабыв,
Не разлюбив.
Не трогайте меня печалью,
Я слишком счастлив тем,
Что жив.

* * *

За позднюю вину,
За то, что грудь остыла,
Того не прокляну,
Что прежде
Счастьем было.

Пусть рана
Жжет в глуби,
Но все ж за эту рану
Я прошлое любви
Обкрадывать не стану.

Припомню те черты,
И сердце тронет жалость.
Кто виноват, что ты
Той, прежней,
Не осталась!

АРХИВ

Строчки страсти,
Письма, вести,
Словно угольный урон,
Как шахтер,
С породой вместе
Отправлял на террикон.

И теперь
Давно избытых,
Отошедших в недогляд,
Терриконы чувств забытых
Адским пламенем горят.

Было б нужно,
Было б важно

Все прибрать
И снова жить.
Только стало что-то страшно
Жизнь былую ворошить.

* * *

Не в памяти –
В сердце осталось,
А в нем
Только с ним и умрет,
Как в юности ранней мечталось
О милой – какая придет?

Мечтал я
На раннем покосе:
По травам,
По синим цветам
Придет, мое сердце попросит,
И я свое сердце отдам.

Косили мы луг,
Откосили,
Копешки сметали в стога.
Никто не пришел на луга –
И сердце мое
Не спросили.

* * *

О, как быстро
Время мчится!
За плечами за моими
Города меняют лица
И становятся чужими.

Как найти
Места свиданий,

Где мы в юности любили?
Их теперь громады зданий
Под собой
Похоронили.

Как лосось,
Пройдя стремнины,
Вспоминая путь недавний,
У воздвигнутой плотины
Бьюсь я памятью
О камни...

* * *

Философы
И просто умницы
По песням, что вокруг поют,
И по тому, как людям любится,
Здоровье мира узнают.

Уже отмеченный сединами,
Пищу о молодой любви.
Так крови капелька единая
Расскажет обо всей крови.

Мы говорим:
Любовь.
Страдание.
Тревожные во всех концах,
Сил мировые колебания
На наших скажутся сердцах.

В любой любви,
Как непреложное,
Как боль отдачи при стрельбе,
Все скажется.
И наше прошлое
Еще заявит о себе.

* * *

На широком лугу
Пахнет мятой-травой.
Я понять не могу,
Что случилось со мной.

После трудного дня
Не отстала забота.
Беспокоит меня
Позабывтое что-то.

Потерявший покой,
Стал я с тайною ношей
Весь какой-то другой,
На себя непохожий.

Весь какой-то иной,
С чистотой изначальной,
Весь устало-земной
И счастливо-печальный.

И себе самому
Говорю я:
“Припомни,
Отчего, почему
Хорошо мне,
Легко мне?!»

* * *

Мне о том слагать бы оды,
Что за свой короткий век
Я купался в синих водах
Двадцати сибирских рек.

Были реки и речонки,
И на каждой – чуть прилгу –

По заплаканной девчонке
Оставлял на берегу.

Полюбил я реки края
За раздолье и простор.
Начиная с речки Яя,
Что течет с Кузнецких гор.

Я не знаю, счастья полный,
На Пышме иль на Оби
Набегающие волны
Мне напели о любви.

И сегодня погружен я
В мысли, чувства той поры,
До сих пор заморожен я
Островами Ангары.

Там росла тогда малина,
Вился белый хмель в кустах.
Валентина, Валентина,
Расскажи мне, Валентина,
Что теперь на островах?

* * *

Измаянная тишиной,
Мысль за тобою гонится.
За радость ночи
Той,
Одной,
Плачу
Сплошной бессонницей.

За страсть,
Сжигавшую дотла,
Я б согласился с карою,
Что узаконена была
Царицею Тамарою.

Счастливец
Много ли терял,
Когда от стона светлого
С ее груди
Летел в Дарьял,
Уже ко стону
Смертному.

И знал он,
Брошенный на дно,
Что после расставания
Его убили б все равно
Потом
Воспоминания.

Не длил бы я
Постылых дней,
Когда бы не иллюзия,
Что ты нежней,
Что ты умней,
Добрей царицы Грузии.

ЛЮБОВЬ И ХЛЕБ

Через улицу,
Через будни,
В нежных чувствах
Не сразу понятый,
Добрый хлеб
Под названьем «спутник»
Несу на руке приподнятой.

Скажут:
Хлеб – избитая тема.
Я иду и смеюсь над такими.
И несу домой каравай, как поэму,
Созданную сибиряками,
Земляками моими.

Этим румяным,
Этим горячим,
Пахнущим так заманчиво,
Этим хлебом труд мой оплачен.
Песня моя оплачена.

Но даже самую лучшую песню,
Самую звонкую и земную,
С сухарем в купоросной плесени,
Не стыдясь, зарифмую.

Хлеб несу!..
Поделюсь с женою,
Не скупясь на слова хвалебные.
И припомнится
Детство мое ржаное,
Юность моя бесхлебная.

С лебедою,
С трухою всякою
Ел «тошнотник»
С корочкой тусклой.
А если встречалась
Булочка мягкая,
То она уже
Называлась французской.

Хлеб несу!..
Удивляются, вижу,
Даже только что евские
С белого блюда.
Но стоило мне приподнять его
Чуть повыше,
И все увидели чудо.

Сразу пришло
Давно знакомое:
Поле и молодость

С днями неспрадными.
Сладко запахло старой соломой,
Мятой-травой
И цветами разными.

И увиделось как воочью:
И косьба,
И стогов метание,
И межа, бегущая к ночи,
И на меже
С любимой свидание.

Любовь и хлеб –
Извечные темы.
Славя хлеб, как любимой имя,
Несу домой, приподняв его,
Как поэму,
Созданную сибиряками,
Земляками моими.

* * *

Все в памяти,
И все – живое,
И обо всем душа болит.
Иду ли по лесу, где хвоя,
Как море южное, шумит;

На пень ли старый там присяду,
Качнется ль надо мной сосна, –
Все чудится, что где-то рядом
И берег тот,
И та волна.

И ты,
Чье повторяю имя,
Почудишься невдалеке.

Волна к волне...
И ты меж ними
Качаешься, как в гамаке.

Все дорого,
Все сердцу близко!
И если дрогнет мокрый куст,
Мне кажутся лесные брызги
Солоноватыми на вкус.

* * *

За дружбу,
За любовь,
За боль последней встречи,
За сладкий хмель испитого вина
К тебе одной
В прощальный этот вечер
Грудь благодарности полна.

Когда другие
Только боль дарили,
Притворствуя в любви,
Но не любя,
Твои глаза
С упреком говорили:
«С другими ты,
А я люблю тебя».

Твое прощенье
И твое прощанье
Соединились,
Чувство не дробя,
В один порыв
Любви и обещанья:
«Я все равно
Буду любить тебя!»

РУССКАЯ СКАЗКА

До жалости,
До огорченья
Меня волнует
С детских дней
Таинственное обращенье
Людей в животных
И зверей.

Мороз по коже,
Дыбом волосы,
Когда, уставя умный взгляд,
Они в беде заговорят
Тоскливым
Человечьим голосом.

Когда в лягушку
Камень бросят,
Она – о боль моя и грусть! –
«Не убивай меня, – попросит, –
Тебе я в жизни пригожусь...»

Но вот
Копытом конь забил,
Заговорил, измаян бегом:
“Я был когда-то человеком,
Я тоже девушку любил.
Меня оборотил Кащей...»

Что сказка?
Вымысел и шутка.
Но станет пасмурно и жутко
От этих колдовских речей.

А вдруг
И я уже другой,
Какой-нибудь зверино-птичий
И в этом жалостном обличье
Неузнаваемый тобой?!

Взмолюсь
И попрошу возврата
К тому,
Как жил,
Страдал,
Любил...
Не убивай меня!
Когда-то
Я тоже человеком был.

* * *

Как наяву, точь-в-точь,
Шальное сердце билось.
Подряд – из ночи в ночь
Ты, грешная, мне снилась.

Шептала: «Помолчи!..
Не предавай огласке...»
И были горячи
Неистовые ласки.

Но взял я не свое.
Под ласками моими
Чужое, не мое
Ты повторяла имя.

Я скованный лежал,
Стыдясь тебя коснуться,
Как будто крепко спал
И не хотел проснуться.

* * *

Как хорошо,
Что за крутыми
За гребнями
Далеких гор
Меня, забытого другими,
Ты вспоминаешь
До сих пор.

О, вспоминай!
В строках послушных
О нежных чувствах
Святословь.
Люби меня!
Средь равнодушных
Мне так нужна
Твоя любовь!

Бывало, часто,
С жизнью споря,
Слабел я, горе затаив,
Мне чудились
В минуты горя
Цыганские глаза твои.

И было в них
Так много света,
Огня, как в золотом вине.
Как хорошо,
Что где-то, где-то
Ты вспоминаешь
Обо мне!

* * *

Я целовал твое письмо,
Не унимая нервной дрожи.
В нем наказание само,

В нем отречение – и все же
Я целовал твое письмо.

Могло бы быть совсем иначе.
Не плачу я и не корю,
Но и не плача, говорю:
Могло бы быть совсем иначе.

Мне говорят мои года,
Что бесполезен поздний опыт,
Что я нигде и никогда
Не повторю любовный ропот...
Так говорят мои года.

Я не тебя,
Я мир теряю.
Не жалуясь и не сердясь,
Тебе я гореверяю:
Поэзии живая связь
Оборвана..
Я мир теряю!

* * *

Зимний ветер,
Гигикни над елью,
Над сосной, где укрылся глухарь.
Закружи меня белой метелью,
Подними
И о землю ударь.

Сделай так, чтобы в снежные хоры
Голос рощи все время вплетал
Позабывтую песню, с которой
Я когда-то легко засыпал:

Песню матери
Певшую в горе

О наказе купца, чтоб жена
К беспокойному синему морю
Не водила коня-бегуна.

«Он приказывал,
Он наказывал,
Не води коня на сине море,
На сине море,
На быстру реку.

А она его не послушалась,
Повела коня на сине море,
На сине море,
На быстру реку...»

Мать споет
И сама прослезится.
Под старинную песню ее
Пусть засну я,
И пусть мне приснится
Ускакавшее счастье мое.

* * *

Думал,
Прошлое не забудется,
Думал, близкою станет мне.
Задержала меня распутица
На чужой,
Не той стороне.

К сердцу
Боль присосалась пиявкой,
И оно мне стучит: беги!
Топь болотная,
Громко чавкая,
Крепко держит
За сапоги.

Закричал бы я,
Утопающий:
«Мне, товарищи, нелегко!»
Но нельзя мне
Позвать товарищей –
Все товарищи далеко.

Все товарищи
Неподдельные,
Охраняя покой семьи,
Как, бывало, князя удельные,
Правят женами
И детьми.

И зову я
Не их, а вербочку,
Задрожавшую у ноги:
«Помоги мне, тонкая веточка,
Помоги!»

* * *

Анна, мне снится,
Анна, мне снова бредится,
Будто Луну звездною лапою
Ловит Большая Медведица.

И кто-то еще
За сияньем,
За блеском,
За синим огнем,
За молочным туманом
Взглянул на меня
И движением резким
Метнул с высоты
Метеорным арканом.

И смотрит злорадно,
Как полно смятенья

Влюбленное сердце
В полете просторном,
Как боль захлестнула
Обхватом смертельным
И душит меня...
Помоги же мне, Анна!..

Вот поднял
И бросил
На новые муки,
На горе разлуки,
И страшно и странно.
Я падаю в бездну.
О, где твои руки!
О, где твои руки!
Спаси меня...
Анна!

Не знаю, не знаю,
Во сне ли, во сне ли
Упал я на камни,
Суставами хрустнув.
На этой
До ужаса белой постели
Мне холодно,
Холодно, Анна,
И грустно...

* * *

Я давно
Не испытывал нежность
И мечтаю –
Ты только приходи! –
Выпить ласки
Небесную свежесть
И заснуть
На прохладной груди.

Весь я в жажде,
Как после пожара,
Что пожег
Все родное вокруг.
Дай мне, милая,
Сон без кошмара,
Пробужденье
Без страха и мук.

Сколько молний
Меня осветило!
Сколько громов громило,
Не в счет...
Может быть,
Заземленная сила
Не разрушит меня,
А спасет.

ОРАКУЛ

По холодному блеску
Стальной колеи
Поезда убегают –
И все не мои.

Поезда убегают
В зарю и рассвет,
Только должен опять
Оставаться я,
Будто мною потерян
Транзитный билет
И забыта конечная станция.

Поезда убегают,
Гремя и звеня,
Прогибаются рельсы со шпалами.

Убегая вперед, оставляют меня
На вокзале
С глазами усталыми.

Как мне быть?
Как мне жить?
И в какие края
Выбрать путь одинокому:
Ближкий иль дальний?
Будка.
В ней на вопросы
Заблудших, как я,
Отвечает оракул вокзальный.

Пересадки,
Маршруты известны ему.
Расспросите его
И похаживайте.
А замешкал –
Звучит по вокзалу всему:
«Спрашивайте!..
Спрашивайте!..»

Жизнь – в любви,
Как ни много нам в жизни дано,
Я, бывало, терял и не плакал,
А когда вот потеряно это – одно,
Как тут быть,
Подскажи мне, оракул?

Репродуктор в стене.
Слышу голос стены,
И от голоса холодом веет:
«Гражданин, не мешайте,
Вы слишком пьяны!» –
«Нет, от горя душа не пьянеет!»

Поняла,
Женским вздохом

Вздохнула стена
И сказала мне фразу такую:
«В чем другом бы, а в этом, –
Сказала она, –
Не просите,
Помочь не могу я...»

В двадцать лет,
Зная только начала начал,
Не по возрасту я,
Не по росту
Почитал себя мудрым,
Других поучал,
Все решал
Удивительно просто.

Разлюбила?
Другая полюбит, поверь,
Будешь счастлив
И радостен снова.
Жизнь одна,
Путь один.
И я понял теперь:
Нет для счастья
Пути запасного.

По холодному блеску
Стальной колеи
Поезда убегают –
И все не мои.

Поезда убегают
В рассветную мглу,
На широкие нивы и пажити,
И оракул
Шумит по вокзалу всему:
«Спрашивайте!
Спрашивайте!..»

* * *

Я тебя представляю
Поспешно шагающей к дому и
На поклоны отзывчивой.
Голову часто клоня,
Ты кому-то киваешь.
Я знаю, твои все знакомые
Посмелели с тех пор,
Как в столице
Не стало меня.

Я тебя представляю
И дома,
Неслышно ступающей,
Представляю за книгой,
Под лампою – в светлом кругу.
Я тебя представляю
Немножко-немножко скучающей,
Но влюбленной в меня
Я представить тебя
Не могу.

ПРОФИЛЬ

Душа моя молчит, пока
В ней рифмы
Без присмотра бродят,
Нетерпеливая рука
Крючки
И черточки выводят.

Еще черта...
И карандаш
Вдруг заспешил,
Заторопился.
И вот внезапно
Профиль ваш

Как бы из хаоса
Явился.

И вот уже
Глаза горят
Под темною
Пушистой сенью.
Какой невыносимый взгляд!
Какое гордое презреньё!

И снова
Карандаш взлетел,
Дал круг,
Но замер
И вернулся.
Я профиль изменить хотел,
Но оробел
И не коснулся.

На строгий облик –
Без прикрас
Гляжу влюбленными глазами.
Как я давно не видел вас!
Как я давно
Расстался с вами!

* * *

Дымок свивается в колечки...
Должно быть, начал я стареть,
И потому, присев у печки,
На огонек люблю смотреть.

Горят сосновые поленья,
Дрожит на них огонь,
И мне
Далекой юности виденья
Являются на том огне.

Трещат дрова.
При каждом звуке
За огненною белизной
Я вижу, как ломает руки
Любовь, покинутая мной.

Почудится:
Огня извивы
Ей молодое тело жгут.
И станет на душе тоскливо,
Как будто вызван я на суд.

Гляжу,
Уставясь без улыбки
В лицо косматого судьи,
И вижу все свои ошибки,
Все заблуждения свои...

Но вот
И печь отрозовела,
Кудряшек дымчатых не вьет...
И все, что мучило, –
Сгорело,
А что не мучило –
Живет.

* * *

Мне казалось,
Что ты молода,
Что тебя
Не коснулись года.

Помнишь,
Был я не хилой породы,
Но обветрил,
И, видишь, – седой.
Ты лишь в памяти
Все эти годы
Оставалась
Еще молодой.

Да, лишь память
В заветном извие,
Как солдат
На бессменном посту,
С каждым годом
Нежней и ревнивей
Охраняла
Твою красоту.

Запоздалая встреча убила,
И надежде
И вере назло,
То, что память моя
Сохранила,
То, что сердце мое
Сберегло.

* * *

Под крышей
Чужого закута,
Внося в мою жизнь разнбой,
Мне снилась такая минута,
Когда я был счастлив с тобой.

Приснился мне берег Катуня,
Бегущей в алтайских горах,
Мне снился тот берег в июне,
И был этот берег в цветах.

С тобой мы пошли за цветами,
И, словно в охотничий рог,
Шофер призывными гудками
Нас звал
И дозваться не мог...

Мой сон
Был на правду похожим,
И в нем –

Не могу передать –
Мечтал я о чем-то хорошем,
Но так и не смог домечтать.

* * *

Припомню что-то –
И Душа не рада.
Для памяти своей
Хотел бы снегопада.

Заснул бы я,
Проснулся бы – и вдруг
Почувствовал бы я,
Что жизнь легка мне,
Что лоно памяти,
Как зимний луг,
Занесено сыпучими снегами.

Не видно ни тропинок,
Ни дорог,
Ни прежних встреч,
Ни прежних расставаний.
Из прошлого
Припомнить бы не смог
Ни радости,
Ни грусти,
Ни страданий.

И та,
Что принесла немало бед,
Сокрывшаяся где-то
В царстве снежном.
Уж не решилась бы
Оставить след
На том снегу,
Спокойном и безгрешном.
И, благодарный
Сказочному сну,

Я б заскучал,
Я стал бы ждать весну.

Заснул бы я,
Проснулся бы – и вдруг
Увидел бы за днями,
За годами,
Что лоно памяти,
Как вешний лут,
Все зацвело
Веселыми цветами.

Где грусть была,
Там голубой уток,
Где слезы шли,
Там золотые злаки,
Где боль жила,
Там розовый цветок,
А там, где горе, –
Маки!
Маки!
Маки!

И милая,
Наряднее ольхи,
Земного обновленья б не минула.
Все заблужденья,
Все свои грехи,
Как листья прошлогодние
Стряхнула.

И в ощущение
Новой чистоты,
С надеждою,
Что жизнь пойдет иначе,
Мы побрели бы с нею
Рвать цветы,
Возросшие
На наших неудачах.

ВТОРОЙ ОГОНЬ

* * *

Она,
Умевшая любить,
Так равнодушно
Обнимает,
Она еще не понимает:
Меня забыть –
Несчастной быть.

* * *

Я не старый,
Я усталый,
На всем остром
Притупивший взгляд.
От своей работы небывалой
Все хочу вернуться я назад.

Был я грешен
Многими грехами,
Но за то прости,
Родная Русь,
Что испортил я себя стихами,
Для другого дела не гожусь.

Не резец,
Перо стальное пело,
То перо –
Садись да и пиши! –
Оказалось легоньким для тела,
Но тяжелым для моей души.

Я не старый,
Я усталый,
Ссору тело со своей душой.
Тело никнет от работы малой,
А душа погибнет
От большой.

1978

* * *

Тишина, тишина...
Тишина, как во сне,
Как во сне
Голубые снега.
Спит мой город,
Его по весне
Беспокойная будит река.

По веселой весне,
Нарушая покой,
В кручу берега,
Как по груди,
Вдарит мутной волной,
Двинет белой шугой,
Затрещит,
Загремит:
«Выходи!..»

Выйдет девушка,
Вынесет сердце свое,
Скажет речке она:
«Не топи...»
И наполнится девичье сердце ее
Ожиданием первой любви.

И охватит, озябшую,
Сладкая жуть,
Всю ее – с головы и до ног.

И поднимется грудь,
И опустится грудь,
И послышится девичий вздох.

Опьянеет она...
Побледнеет она...
Вешний день по душе и седым.
Только стал замечать,
Что приходит весна
Раньше всех
Вот к таким молодым.

* * *

А я когда-то думал,
Что седые
Не любят,
Не тоскуют,
Не грустят.
Я думал, что седые,
Как святые,
На женщин
И на девушек глядят.

Что кровь седых,
Гудевшая разбойно,
Как речка,
Напоившая луга,
Уже течет
И плавно
И спокойно,
Не подмывая
В страсти берега.

Нет,
У седой реки
Все то же буйство,
Все та же быстрина

И глубина...
О, как меня подводит
Седина,
Не избавляя
От земного чувства!

* * *

Все вижу
Твой немой укор.
Ты смотришь,
Будто ждешь ответа:
Где живость?
Где горящий взор?
Где озарение поэта?
Глаза тусклы,
Почти что злы,
Как у пропойцы
До загула.
О, ужас! На плебейских скулах
Застыли желваков узлы.

Ты думала:
Неотразимый.
Ни в чем не знавшая потерь,
Ты верила, что я красивый.
Не отворачивайся.
Верь.
Красивы мы,
Светлей, чем зимы,
Иконописнее, чем Спас.
В том и беда,
Что мы красивы,
Когда никто
Не видит нас.

И кровь кипит,
И мысль парит,

И в сердце
Все находит отклик.
Как у идущего на подвиг,
Лицо отвагою горит.
Но вот
Погасло вдохновенье.
И, к людям
Открывая дверь,
Мы вновь темны,
Мы снова тени
Самих себя...
Как я теперь.

* * *

Мой Друг,
Вгоняй в строку,
Что отошло,
Что стало.
Мы на своем веку
Повидели немало.

Минула
Бед гора,
Минули муки встреч.
Пора, мой друг, пора
Других предостеречь.

* * *

Рожью
В клочьях тумана
Дремлет чуб мой, редая...
Не смущайся, что рано
Невозвратно седею.

В зное
Буйные всходы

Урожая не дарят.
Меня старят не годы.
Мысли горькие старят.

Если
Соков потребных
Стебельку не напитокся,
Вместо зернышек хлебных
Черный куколь родится.

* * *

В горячке
Выпил все отравы
До самой горькой и хмельной.
Капризы
И любви и славы
Уже не властны надо мной.

Еще душа не долюбила,
Еще до радостей горазд,
Но радостней того, что было,
Мне, знаю, жизнь уже не даст.

Случится, память потревожу –
Тогда, повторов не терпя,
Начну бояться быть похожим
В любви на прежнего себя.

И радость встреч,
И провожанье
Под невысокое окно
Вдруг огорчит,
Как подражанье
Чему-то бывшему давно.

А слава?
Кто-то стал спесивей,

Кого-то в ней не узнаем.
Она была куда красивей
В воображении моем.

Я представлял себе, как знойно
Горит над чубом славы круг.
Она была моим достойна
Воображаемых заслуг.

Иному без нее тревожно,
А мне с давно пережитой
Спокойно,
Ибо все ничтожно
В сравнении
Со славой той.

Над глупым сердцем
Есть управа,
Над суетностью
Страж двойной.
Капризы и любви и славы
Уже не властны
Надо мной.

* * *

Твое изображение
Померкнуть не рискует.
Мое изображение
Красивей не рисует.

Виной психооказия:
В соблазны благородства
Моей ночной фантазии
Вплетается уродство.

За миг наслаждения,
Тоску мою утроив,

Становятся видения
Срамней видений Гойи.

Сама природа правит мной,
Чтоб я, когда очнулся,
От красоты твоей земной
Душой не отвернулся.

1974
*(Стихотворение, не опубликованное
ранее в книгах В. Д. Фёдорова.)*

СЕМЕЙНЫЙ РАЗГОВОР

Много ли нужно –
Малую малость,
Чтоб разлетелось
Все за версту...
Каждая лошадь
Хоть раз, да брыкалась,
Каждая лошадь
Рвала узду.

Любим похвастать
Века вершинами,
Будто кто гонит –
Бегом да бегом...
Слишком привыкли
Играть машинами,
Силу смирять
Простым рычагом.

Сам заводской,
Но моя романтика
Выше дела
И выше слов.
Больно видеть,

Как автоматика
В души внедряется
Раньше цехов.

Хочешь и ты,
Чтобы все впритирочку,
Чтобы не рвал
Семейных пружин,
Хочешь, чтоб я
Превратился в дырочку,
Вбитую в ленту
Счетных машин.
Хочешь, чтоб я
Был, как все, хорошим,
Мне ж та хорошость –
Как острый нож.
Любишь меня
На многих похожим
И ненавидишь,
Когда непохож.

Нет, не хочу,
Чтобы Жизнь обрекалась
На одну
Для всех борозду...
Каждая лошадь
Хоть раз, да брыкалась,
Каждая лошадь
Рвала узду...

СКУЛЬПТОР

Он так говорил:
«Что хочу – облюбую,
А что не хочу – недостойно погони.»
Казалось, не глину он мнет голубую,
А душу живую берет он в ладони.

Ваятель,
Влюбленный в свой труд до предела,
Подобен слепому:
Он пальцами ищет
Для светлой души совершенное тело,
Чтоб дать ей навеки живое жилище.

Не сразу,
Не сразу почувствовать смог он,
Не сразу увидеть пришедшие властно:
И девичий профиль,
И девичий локон,
Капризную грудь,
Задышавшую часто...

Но тщетно!
И, верен привычке старинной,
Он поднял над нею дробительный молот
За то, что в душе ее – глина и глина...
За то, что в лице ее – холод и холод...

Нам жизнь благодарна
Не славой охранной,
А мукой исканий, открытjem секрета...
Однажды,
На мрамор взглянув многогранный,
Ваятель увидел в нем девушку эту.

Невольно тиха
И невольно послушна,
Она, полоненная, крикнуть хотела:
«Скорее, скорее!
Мне больно, мне душно,
Мне страшно!
И мрамор сковал мое тело».

«Не будешь,
Не будешь,
Не будешь томиться,

Ты видишь, как рад
Твоему я приходу!»
Схватил он резец,
Словно ключ от темницы,
И к ней поспешил,
Чтобы дать ей свободу.

Заспорил он с камнем,
Как с недругом ярим...
И, споря с тем камнем,
Боялся невольно,
Чтоб пряди не спутать,
Чтоб резким ударом
Лицо не задеть
И не сделать ей больно.

Из белого камня она вырывалась,
Уже ободренная первым успехом,
С таким нетерпеньем,
Что мрамор, казалось,
Спадал с ее плеч горностаевым мехом...

С тех пор,
Равнодушная к пестрым нарядам,
Легко отряхнувшись
От мраморных стружек,
Глядит она тихим,
Задумчивым взглядом
На мимо идущих веселых подружек.

На жизнь трудовую,
Чтоб здесь не стоять ей,
Она променяла бы долю такую.
Стоит и не знает она, что ваятель,
Блуждая по городу,
Ищет другую.

ВТОРОЙ ОГОНЬ

Любовь горела,
А не тлела.
И все же, к радости моей,
Не до золы она сгорела,
Но, как береза,
До углей.

Она,
Ничем не оградима,
Переменяя страсть и гнев,
Вся изошла огнем и дымом
И вся распалась,
Почернев.

Погибла?
Нет.
Вернее прочих
Я знаю цену угольку
И каждый черный уголек
В душе холодной берегу.

В моей душе,
Как в горне грубом,
Небесполезно им лежать.
Лишь только б огонек...
Да губы...
Да губы,
Чтобы подышать.

Не гибнут страсти.
Над враньем
Опять смеюсь.
Пусть не лукавят.
Любовь горит
Вторым огнем.
В таком огне
Железо плавят.

НЕДРУГАМ

Все вами сделано,
Чтоб я
Успел на этот мир
Обидеться,
Чтоб, не любя,
Сгубил себя
И не успел
С любимой свидеться.

Чтоб силой
Попусту иссяк,
Чтоб давний радовался враг,
С которым
Доброй силой мерялся,
Чтоб я
И в дружбе
И в друзьях
Себе на горе
Разуверился.

Чтоб я
Душою сник и свял
В игре
Словами пустозвонными,
Чтоб я
В час битвы не стоял
Под справедливыми
Знаменами.

Смешные!
Можно ли, чтоб я
Ушел от самого себя?!

* * *

Сочиняем,
Пишем,
Строчим,

Заседаем.
Все – родня.
А в буфете, между прочим,
Смеляков, как строгий отчим,
Косо смотрит на меня.
От поэзии любимой
Отлученный за грехи,
На базарах со слепыми
Стану петь свои стихи.

Не в ладах с литературой,
Брать начну из добрых рук
Не деньгами, а натурой:
Сладкий блин
И горький лук.

Будут женщины к базарам
По дорогам грязь месить;
Обо мне, еще не старом,
Разговоры разносить.

Пропою самозабвенно,
Зарыдав и загнусив,
Про любовь и про измены
На моей родной Руси.

Пропою про урожай
И про Вегу, как фантаст.
Глядь, какой-нибудь Державин
Заприметит
И воздаст.

И тогда,
Обретши слово,
Неподвластное суду,
С бородою Льва Толстого
К вам, товарищи,
Приду.

ЕЩЕ О ЗОЛУШКЕ

Поэту, сравнившему себя с Золушкой

Когда неряха моет пол
Истории наследия.
Уже захлюстав свой подол,
Страшно ее усердие.

За чистоту его борясь,
Казалось бы, неистово,
Она лишь переносит грязь
На половицы чистые.

Сегодня бал –
Скорей, скорей!
Бездумная головушка,
Так захотелось в сказку ей,
Что притворилась Золушкой.

Сегодня бал,
И что скрывать,
На бал успела модница,
А пол за нею домывать
Придется домработнице.

Сегодня бал.
На ножках лак.
Там – юный принц заметь ее! –
Забудет Золушка башмак
Размера сорок третьего.

По мне,
Пусть ходит на балы,
И потому тем более
Не доверяйте ей полы
В следах и крови и золы,
Оставленных Историей.

* * *

На трамвайной дороге плакат:
«Осторожнее – листопад!»

Опадают
И скверы и рощи,
Мокнут листья
В дождливой тоске.
Что трамваю! –
Душе моей проще
Поскользнуться
На желтом листке.

Под стальные
Трамвайные оси,
На холодную гладь колеи,
Точно так же вот
Каждую осень
Опадали надежды мои.

А по веснам,
Похожим на юность,
Когда солнце
Ласкало и жгло,
Сколько старых надежд
Не вернулось,
Сколько новых надежд
Не пришло!

И, тревоги уже
Не скрывая,
Повторяю немножко не в лад
Те слова,
Что прочел из трамвая:
«Осторожно, Душа, – листопад!»

* * *

Между нами
Только камни
В этой жизни городской.
Дай мне речку с берегами,
Дай мне озеро с волной.

Дай мне таволги пахучей,
Дай мне, памятной душе,
Под высокой
Белой тучей
Разыгравшихся
Стрижей.

Дай калиновую крону,
Как весенний
Пышный дар,
Дай мне,
Дай мне
Хоть ворону
С примитивным криком
«Кар-р!»

Дай коня мне
В красной гриве
Проскакать в лучах
По дню,
И тогда
В одном порыве
Все в Душе
Соединю.

ТРИ ВОДЫ

Горит Душа,
Горят сады,
Великой зной
Томит природу.

В извечном поиске воды
Копай, копай –
И встретишь воду.

То будет
Первая вода.
Она неглубоко под нами.
Она питается дождями,
Она бывает не всегда.

Недавно шумный ливень лил,
И вот,
Омывшая все поле,
Она еще под цвет земли,
И в ней еще так много соли.

Близка,
Она вас напоит,
Когда еще стоит прохлада,
Когда и жажда не томит
Ни тела,
Ни души,
Ни сада.

Ищи вторую,
Глубже рой,
И ты дороешься в глубинах
До чистой до воды второй,
Придержанной на плотных глинах.

Она давно томится тут,
Пути глухие пробивая.
Ее уже охотней пьют,
Хотя она не питьевая.

Струится, будто нити вьет
На глине красной и ослизлой.
Она еще во всем капризна
И в засуху,

Глядишь,
Уйдет.

А ты копай.
Не требуй платы.
Устало не гляди в зенит.
А ты копай,
Пока лопата
Торжественно не зазвенит.

Остановись и жди тогда,
Со дна потерянного русла,
Мерцающая холодно и тускло,
Проступит древняя вода.

Она светла.
Не замути.
Она прошла.
Чтоб выйти ясной,
Все мимолетные соблазны,
Все смуты долгого пути.

Она бугрится и дрожит,
Лепечет что-то,
Гальку моя.
Пришла.
Уже не убежит
Ни летним зноем,
Ни зимою.

(Опубликовано в первом издании.)

ПУРГА

Боевая,
Во всем умелая,
Ты в одном у меня сдаешь:
Что ни выскажу, что ни сделаю,
Все чего-то недопоймешь.

Вот беда...
Не прийти к разладу бы,
Не нажать бы с тобой нам зла...
Что-то, милая, сделать надо бы,
Чтоб меня ты во всем поняла.

Черноспелую брать смородину
И грибы собирать в лесу –
Повезу я тебя на родину,
В даль сибирскую повезу.

Птичий посвист
В лесу послышится,
И когда ты пойдешь тропой,
Закачается, заколышется
Небо синее над тобой.

В тень присядешь,
В лесу – несмелая,
И услышишь ты:
«Чек... чек... чек», –
Это ягода переспелая
В тихий падает родничок.

Тронут сердце
Находки частые...
Тут черника...
А там опять
Грузди, белые, губастые,
В прятки вздумали поиграть.

А поверх,
Заручась согласием,
Молодую не тронув ель,
Двум соседям –
Березе с ясенем –
Кружит голову белый хмель.

Может статья,
Наш край открывая,
Скажешь, ссору успев забыть:
«Милый мой, я тебя понимаю...
Как задумано, так и быть».

Поезд замер
И бросил клич свой...
Я шутливо сказал жене:
«Мы приехали,
Ваше Лиричество,
Чемоданчик доверьте мне».

Эта станция узловая,
Называют ее Тайгой...
От нее до речонки Яя
Остается подать рукой.

За билетами,
За плацкартами
Не бегу к большому окну,
Не помахиваю мандатами,
На дежурного бровь не гну.

Где-нибудь
И пошел в атаку бы,
Ну, а здесь, в стороне родной,
Тсс! – мигаю
И палец на губы:
Дескать, молча иди за мной.

Тут я вспомнил
Приемы детские,
Чтобы «зайцем» пуститься в путь..
«Мы покажем
Корреспондентские!»
«Нет! О них ты совсем забудь!»

Есть у страха
Своя гипербола...
Помню, в детстве, я ехал так, –
Было детство мое и не было
Никаких охранных бумаг.

В четком ритме
Движенья быстрого
Я рассказывал, где бывал, –
Словно жизнь свою перелистывал
И углы страниц загибал.

И пригорок,
И спад овражковый
Лишь успели мы с ней пройти –
Луг саранковый и ромашковый
Забелел на нашем пути.

Поглядев,
Как над всею местностью
Мотыльков мельтешила тьма,
Побледнел я
Смертельной бледностью:
Мне припомнилась та зима.

Снег кружился
Над лошаденкою,
Над кустами этих лугов,
Над притихшим в санях
Мальчонкою –
Безобиднее мотыльков.
Снег кружился,
Шутил, пошучивал
И, скрывая дороги даль,
Все сильнее, все злей закручивал
Небывалой пурги спираль.

Скрылось все,
Даже хвост кобылий...
Подгоняющая лоза,
Дрогнув, выпала,
И застыли
Слезы крупные на глазах.

И позднее,
Когда глубоко
Когти белые в грудь впились,
Думал холодно и жестоко,
Как проживший долгую жизнь.

Думал:
«Нет, не покину сани я,
Чтоб потом... не искала мать...»
И мальчишеское сознание
Торопилось все наверстать.

И всей волею,
И всей силою
Свое будущее призвал...
Жил, работал...
Встретился с милою...
И впервые поцеловал.

Между встречей и расставанием
Помню, пробил мой горький час...
Только вместе с моим сознанием
Милый образ ее погас.
Не пойму,

Как меня увидели
В той пурговой глухой ночи?!
Отогрели меня строители
На горячей большой печи...

Я сказал ей,
Глядевшей с робостью,
Что меня – и не та одна! –
Наградила пурга суровостью,
Ну, а нежность дала весна.

Мы отметили
День прибытия,
Потому что с этого дня
Для нее началось открытие
Края нашего и меня.

* * *

Все чаще, чаще падаю,
Все чаще грудь болит.
Уже вино не радует,
А только тяжелит.

Любил и пил запальчиво
И разгадал давно,
Что женщины обманчивы,
Как сладкое вино.

А жизнь была не гладенькой,
Не чистеньким кювет.
Уже кому-то дяденька,
Уже кому-то дед.

Здесь новые возможности.
Но горько между тем,
Поскольку к новой должности
Я не готов совсем.

* * *

Мне говорят: пиши!..
Твердят: пиши!..
Писать бы рад,
Но, забывая дело,
Сижу пустой,
Как будто из души
В потемках
Что-то вынута,
Что пело.

Быть может,
Вовсе не желая зла,
Моей любви
Доверчивую пташку
Себе на память
Женщина взяла,
Когда я спал
С душою нараспашку.

А если женщина
Здесь ни при чем?
А если... Если
В небесах плутовавшим,
Душа убита атомным лучом,
Совсем случайно
На нее упавшим?

Не в том загадка:
Петь или не петь, –
А жить или не жить!..
Разгадка, где ты?
Ведь есть
Четыре стороны у Света,
На все четыре
Надо поглядеть.

Все оглядеть:
И Запад и Восток,
Но отыскать
Первопричину боли,
Чтобы в душе,
Как на бесплодном поле,
Высокой мысли
Выходить росток.

* * *

С Душой,
Не созданной
Для драк и споров,
С неробкою,
Но доброю душой,
Я в этот мир
Печалей и раздоров,
Должно быть,
Преждевременно
Пришел.

И потому,
Чтоб недругу
Не вторить,
Я научился
Гневаться
И спорить.

Для той любви,
И светлой
И наивной,
Был создан я
На празднике ночей,
А приходил лишь
На ее руины
И клеивал
Обломки кирпичей.

И склеил я.
Не оробел.
Не сник.
Своей любви
Я здание воздвиг.

* * *

Что живешь,
Что в битвах не погас,
Жизнь свою
Сомненьями не мучай.
Люди умирают
Только раз,
Береги себя
На этот случай.

Так построй
Земную жизнь свою,
Так живи в ней
Помыслами всеми,
Чтобы в смерти
Встал ты вровень с теми,
Беззаветно павшими
В бою.

ЗАМЕТЫ

* * *

«Что ты молчишь? –
Услышал я упрек. –
Ведь ты бы мог
Нам рассказать
О многом».
При чем здесь вы?!
Своим высоким слогом
Я разговаривать
Учился с Богом,
А Бога нет –
Вот я и приумолк.

* * *

Себе сказал
И говорю другим,
Всем говорю
С упорством постоянным:
Язык любви
Не может быть нагим,
Язык борьбы
Не должен быть туманным.

* * *

Что пользы
Вечно малым пробавляться:
Бояться жить
И умереть бояться!

* * *

Великий Пушкин
Говорил когда-то:
Поэзия должна быть
Глуповата.
Раскрой же смысл
Загадки до конца
И отличать учись всегда ты
От глуповатого
Глупца.

* * *

Пусть недруги бранят,
Трудись, не споря.
Они тебя гранят,
Себе на горе.

* * *

Поэзией
Приписанный к векам,
К бессмертью слов,
Когда меня карают,
Как Будда,
Я не мщю своим врагам –
Они с годами
Сами умирают.

* * *

С Любовью –
Хоть гроза!
А без Любви, беднягам,
Нам небо как глаза,
Подернутые мраком.

* * *

Мне дорог смех,
Но все же различай
Веселье глупости
И мудрости печаль.

* * *

До всенародного признанья
Пути заведомо трудны.
Поэт обязан
Жить в изгнании,
Хотя б
От собственной жены.

* * *

Все выскажу,
Ни перед кем не струшу,
Не отступлю
Ни пред какими лицами.
Невысказанный гнев
Убивает душу –
Не становитесь
Самоубийцами!

* * *

Известный спор
Меж школами и школками
Закончу я,
В сознании правоты.
Хоть наши Музы
И ходили голыми,
Поэзия не терпит наготы.

* * *

Как мы пишем?
Как летаем мы?
Все по-разному смелы:
Воробьи летают стаями,
Одинокими – орлы.

* * *

В какие страны и края
Уходит молодость моя?
Когда бы знал туда я путь,
Пошел бы я ее вернуть.

* * *

Хочешь ведать,
Как писалось?
На Душе
За жизнь мою
Все skipелось,
Все слезалось.
Отколю –
И выдаю.

* * *

Вам, девушки,
К семье идущим,
Желал бы я
Из благ земных –
Детей,
Не слишком озорных,
Мужей,
Не очень много пьющих.

* * *

Говорят,
Моя строка
Про Любовь,
Что так горька,
Детям хуже яда...

Детям
Дайте Маршака,
А меня
Не надо.

* * *

Есть в дружбе
Доброе ядро,
Прекрасно слово – друг,
Но дружба –
Это не бюро
Приятельских услуг.

* * *

Любит совесть?
Нам не в новость
Доброта людей таких.
Негодяи любят совесть,
Когда совесть –
У других.

* * *

Я ваших сочувствий
Не слушаю,

Что из носу кровь потекла.
Борьба – это самое лучшее,
Что жизнь
Подарить мне смогла.

* * *

Различий нет,
А есть года,
Есть возраст –
Разница лишь в этом.
Наружностью
Земля – планета,
А в глубине
Она – звезда.

* * *

Моя Любовь
Давно в годах.
Как яблоня на горке
В отяжеляющих плодах
Нуждается
В подпорке.

* * *

Бог Любви,
Я снова в сердце ранен.
Огради от смертного одра,
Удержи меня на светлой грани,
Чистой грани
Мира и добра.

* * *

Милый Друг,
Хочу сказать,
Чтобы знал ты наперед:
Радость надо нам искать,
А печаль
Сама найдет.

* * *

Берегите меня
До последнего дня,
Берегите меня
До последнего часа,
Берегите меня,
Как цыгане коня,
Чтобы гикнуть потом
И умчаться.

МАЛЕНЬКИЕ ПОЭМЫ

О Б И Д А

Из черпака
Глоток испивши,
Ты вскинешь воду –
И твой взгляд
Увидит, что к земле застывшей
Не брызги падают, а град.
Здесь хватка у мороза злого
Крепка, остра, как волчий зуб...
Ты слово вымолвишь –
И слово
Ледышкой слетает с губ.

Весною
Стан березки волглой,
Как хочешь, гни и выпрямляй...
А в эти дни ее не трогай,
Легко сломаешь –
Не ломай!..
В низинах,
Выстланных снегами,
Шумит пожухлая куга...
Ты можешь проследить глазами,
Как начинается пурга.

Вокруг бело.
Как бы в погоне,
По гребням здешних полутор
На белых, белых, белых конях
Метельный вылетит дозор.
Замрет...
Попляшет...

И – по краю,
Присвистнув и гикнув зло,
Метнется, как бы выбирая
Короткий путь
В твое село.
А вслед за ним,
Грозя бедою
И даже гибелью самой,
Пурга надвинется ордою
И все покроет белой тьмой...

Село стояло у реки,
В плену у бури неумной...
Не помнили и старики,
Чтоб сотрясались от пурги
Домов обтесанные бревна.
И под защиту крепких стен
Повсюду скрылось все живое.
Укрылись люди и стада.
И страшен стал разгул метельный
На ту восьмую ночь,
Когда
Иссяк кормов запас недельный.

Мигает свет.
Шуршит, хрустит
В губах ягнят последний веник...
В просторном тепляке не спит
Лишь сторож, старый инвалид,
Да Настя, юный зоотехник.
Она, лицо к печи склоня,
Глядит, глядит,
Как угли млеют...
У Насти щеки то бледнеют,
То пламенеют от огня.

Любовь к ней в сердце постучалась,
Как путник в обогретый кров...

Она с Олегом не встречалась
Семь длинных зимних вечеров.
Вдруг чувства все ее заполнят,
Как теплота,
Как пламя – печь...
Еще и нынче губы помнят
Счастливые минуты встреч.
Припомнит –
Будто обожжется,
И вновь горят ее уста...
В них и поныне бережется
Тех поцелуев теплота...

Очнулась...
Кажется, скрипят
Саней железные полозья...
Нет, это только плач ягнят
Да тихое бляенье козье.
Уж не любитесь огнем,
Что пляшет над сухим поленом.
Все ждет,
Что, посланные днем,
Вернутся фуражиры с сеном.
Чтоб заглянуть в ночную мглу
С ее глухими голосами,
К оледенелому стеклу
Прижалась теплыми губами.
И вот увидела в глазок,
Как в детстве видела когда-то,
Что будто зверь,
Большой, косматый,
Урча, о раму чешет бок.

От бури жди немало бед,
И Настя слез сдержать не может.
«Ты вышел бы, взглянул бы...дед!»
А дед твердит одно и то же:
«Где я с централкой, там уже

И лютый зверь не порезвится...
А голод, Настя, сторожей,
Сама ведь знаешь, не боится...
Не выйду, не-е...»
И вновь старик
Твердит про вора да про зверя...
Подняв высокий воротник,
В слезах
Метнулась Настя к двери.

* * *

Снежный дым
На сугробах курится,
Вихри снега свистят над селом,
Будто белая-белая птица
Приопустится вниз, разлетится
И ударит по Насте крылом.

И она,
Разгорелась, как в пляске,
Осмелела – бывать не бывать! –
Теплой vareжкой
Праздничной вязки
Перестала лицо закрывать.
С ней, такой,
Ничего не случиться;
И девическая рука
В затемненные окна стучится
Чуть сильнее,
Чем стучала пурга.
«Тук-тук!» –
«Время ли тешиться снами?!».
«Тук-тук-тук!» –
«Одевайтесь теплей!..
Фуражиры с пустыми санями
Возвратились на фермы с полей...»

И опять,
Забывая о тропах,
Настя тонет в холодных сугробах..
Вот заслон частоколов знакомых,
Вот она узнает набегу
Эти тонкие ветви черемух,
Этот низенький домик в снегу,
Этот старый скворечник тесовый,
Вознесенный на самый конек,
Эти ставни и эти засовы,
А за ними слепой огонек.

По болтливому
Бабьему сказу,
Настя смелой не в меру слыла...
Но ни разу, ни разу, ни разу
В этом доме она не была.
Ей случалось порой вечерами
В палисаднике с милым сидеть,
А когда проходила утрами,
На окошко стыдилась глядеть.
Шла немая, прямая...
К тому же
Почему-то все чудилось ей,
Что в окне
Через дырочки кружев
Мать любимого смотрит за ней.

А у той
За плечами полвека,
Если что не по ней, то беда!..
День и ночь она точит Олега:
Дескать, больно уж Настя горда.
То и дело твердит, не смолкая:
Мол, такую не тронь, не обидь...
А поженитесь, будет такая
Из тебя же веревочки вить.

Мол, отца я за то и любила,
Что не бегал за мной, как телок...
Делай так, чтоб по-твоему было,
Настя скажет,
А ты – поперек...

Только Настя об этом не знает,
На крыльцо она смело взбегают.
Может, сплетня поутру помчится...
Пусть их!..
Настя не видит греха,
Что в закрытую дверь жениха,
Не стыдясь,
Так упрямо стучится.
«Тук-тук-тук!..»
В темноту за порог
Настя крикнула, малость робея:
«Быстро!.. В красный иди уголок!..
Только слышишь...
Оденься теплее!..»

Когда Любовь –
Не увлечение,
Девчата в селах для ребят
(То – знак особого значенья)
Перчатки вяжут и дарят.
В надежде,
Что и Настя свяжет,
Ее Олег, то смел, то тих,
Все чаще спрашивал: «Когда же
Ты, Настя, мне подаришь их?»

Она сначала лишь смеялась,
А после в красном уголке
Уже частенько примерялась
Ее рука к его руке.

* * *

Уголок
Называется красным,
Хоть на диво всегда побелен.
В нем лишь стол
Покрывается ясным
И торжественным цветом знамен.
Чтобы каждый, светлея душою,
У такого стола
Мерой самой большою-большою
Измерял свою жизнь и дела.
Уголок
Называется красным.
В нем
У яркого кумача
Много времени отдано страстным
Комсомольским речам.

Все здесь было:
Друзей пререканье,
Смех и шутки, обиды и страсть,
Даже слезы...
А это собранье
Провели в пять минут, не садясь.
А за окнами
Комнатки тесной
Уж затеяли спор, как враги:
Громкий дизеля голос железный
И разбойничий посвист пурги.
Дизелист оглядел комсомольцев
И сказал, что в опасный поход
Только шесть или семь добровольцев,
Самых смелых
С собою возьмет.

Труден путь,
И опасен, и долог!..
С этой мыслью девчата глядят

Из-под длинных ресниц на ребят,
Выбирая, кто люб им и дорог.

Все ли
Трудности встретят достойно –
И пургу, и сугробы, и тьму?
За любимого Настя спокойна:
Как себе,
Она верит ему.
Вот и он в молодежном кругу,
Ее милый Олег,
У Олега
Темный чуб еще в звездочках снега,
Даже брови густые в снегу.
Только взгляд у него беспокоен,
Грустен он.
И задумалось ей
Что-то доброе сделать – такое,
Чтобы стало ему веселей...

И в Любви
Не пугаясь огласки,
Чтобы не был тревожен и зол,
Свои варежки праздничной вязки
Настя первой бросает на стол.
Шесть подруг,
Шесть улыбок задорных,
Одобряющих Настю вполне, –
И семь пар,
И простых и узорных,
Запестрели на алом сукне.
Оживилась влюбленная юность:
Парни, цвет выбирая родной,
Шесть особых путевок –
На трудность –
Разбирают одну за одной.

Настя вздрогнула, как от удара,
Стыдно стало на стол ей глядеть:
На девичий позор
Ее пара
Остается на алом белеть.
«Ну возьми же... В такие метели
Не помилует холод степной...»

У Олега глаза потемнели.
«Что ты, – крикнул, –
Мудруешь со мной?!»
«Нет же, нет...
Это ради поездки...» –
Говорит она тихо ему.
“Знаешь, Настя, на данном отрезке
Предоставь мне решать самому...»

Так они
Говорят меж собою...
А у двери,
Не очень речист,
Окруженный готовыми к бою,
«Ждем седьмого!» –
Зовет дизелист.

Сжалась Настя,
Не рада участью,
На которое дружба легла:
Из-за спин
К белым варежкам Насти
Протянулась чужая рука.

Добрый жест для нее не спасенье.
Повторяет, бледна и пряма
От неожиданного оскорбления:
«Я сама... Я поеду сама!..»

Настя – в двери.
И сразу морозный
На Олега подул ветерок...
Он уже спохватился,
Да поздно –
И стоит у стола
Одинок.

* * *

Чтоб от гибели
Фермы колхоза спасти,
Дизель, торных не зная путей,
Шел, играючи силой восьмидесяти
Большегрудых степных лошадей.

Он дрожал,
Продираясь сквозь дикий буран,
Сквозь сугробы почти по прямой.
Ослепительный свет
Пробивал, как таран
Белый снег, перемешанный с тьмой.

Нет ни звезд, ни луны,
Ни всевидящих глаз,
Отличающих юг и восток.
Может, Северный полюс
Доступней в сто раз,
Чем на поле затерянный стог.

Горько Насте...
У ней все Олег на уме,
Как на ране едучая соль.
Расшумись, Бараба!
Пусть в твоей кутерьме
Приостудится Настина боль.

С шумом
Бросились к стогу ребята,
Чтоб в работе себя разогреть...
В пять минут штыковая лопата
Откопала июньскую цветь.
Заструился настой ароматный,
Как в покос
На меже луговой:
И ромашкой запахло, и мятой,
Подсыхающей в полдень травой.

Тем обиднее чувств перемена,
Когда, злой нагоняя мороз,
Две охапки пахучего сена
Ветер вырвал из рук – и понес!..
И с обидой подумалось Насте:
У нее лишь
Средь многих подруг
Неудачливо взятое счастье
Тоже вырвано прямо из рук.

Чем она
Перед кем провинилась?..
Вихревой проклиная буран,
Вдруг ослабла она, опустилась
На цветы
С приозерных полян.
Не успела пахучая мята
Молодой головы закружить,
Как заметили Настю ребята,
Стали Настю они тормозить.
«Встань же, встань!..»
Дизелист ее просит.
И она отвечает ему:
«Что мне делать, коль ветер уносит
Все, что в руки свои ни возьму!..»

Встала Настя,
Никто не приметил
Крупных слез,
Набежавших у ней.
Тает стог:
Часть уходит на ветер,
Часть – на длинные жерди саней.

Жизнь не луг:
Лишний раз не покосим,
Лишних дней про запас не найдем.
На воз много кладем,
А привозим
Половину того, что кладем.

* * *

Стихли бури,
И ветры ослабли.
Уверяют нас сказок творцы,
Будто первые вешние капли
Прямо с юга приносят скворцы,
К деревенским карнизам подвешат,
Намекая на близкий апрель.
Капли многие вдруг забелесят,
Задрожат...
И начнется капель!..
И начнет
Всею силой земною
Из себя выходить Бараба.
Зазвучит над озерной страной
Лебединая в небе труба.
Схватят за сердце
Страстные звуки,
И тогда
От неясных тревог
Будешь тихо сжимать свои руки,

Если ты, молодой, одинок.
Затомится душа, затоскует,
Если девушка, нежно любя,
И целует тебя, и милует,
И не смотрит потом на тебя.
Боль-обиду от горьких насмешек
Растравляет капризная мать:
«Ах, какую невесту, Олежек,
Упустил ты!..
Нельзя упускать!..»

И неробкая властная сила
Снова к Насте Олега ведет:
«Настя, ты же наш садик любила...
В нем – черемуха...
Видишь, цветет!..
Только в снах я тебя обнимаю
И целую... Не мучь и не май!..
Подойди, я букет наломаю
И тебе подарю...»

«Не ломай!..
Не ломай,
Цвет черемухи белый
Мне напомнил опять о пурге...»
«О пурге?!».
Вспыхнул, замер Олег, онемелый,
С белой-белой охапкой в руке.
С болью цвет обрывает он с веток
И упрямо твердит:
«Погляди,
Погляди мне в глаза напоследок!..
Настя, я ухожу...»
«Уходи...»

А сама
С опечаленным взором,
Опасаясь повторной мольбы,

Торопливо уходит к озерам
Знойной,
Пестрой от стад Барабы.
А на этих озерах в условный,
Запримеченный Настею час
Тихо лебеди выплывут,
Словно
Легкий сон,
Чуть коснувшийся глаз.
Под лучами перо серебрится,
А вода то светла, то темна...
И дрожат камыши, как ресницы,
Пробуждаясь от легкого сна...

Долго Настя в тени простояла,
Притаившись за ивой густой,
И как будто несчастнее стала
Перед этой земной красотой.

У тропинки,
Что с детства знакома,
Все березки нарядны, прямы,
Лишь одна из них
С меткой надлома
Не оправится после зимы.

Кто-то в стужу
Прошел этой тропкой,
Тронул тонкую, сердцем не чист,
Оттого-то так робко, так робко
Развернулся узорчатый лист.
Вот и ранка чуть-чуть затянулась,
Не затроньте ее незначай!..
Ячат лебеди...
Милая Юность,
Боевая, смешная, прощай!..

1954

ДАЛЕКАЯ

Права Любви
Да будут святы.
Настроенный на этот лад
Все девять лет,
А на десятый
Решил поехать в Ленинград.

Я поклонился Ленинграду
И предъявил законный иск
За девушку, что в дни блокады
Он отсылал в Новосибирск.
Скажу, в детали не вдаваясь,
Вам, ленинградцы, не в упрек,
Что я, и бедствуя и маясь,
Ее, красивую, сберег...

Шли дни.
Закончив подвиг ратный,
Еще горячий от огня,
Ваш город взял ее обратно,
Точнее – отнял у меня.
Мы можем боль нести годами
И все стерпеть,
Но иногда
Мы ссоримся и с городами,
Когда обидят города.

И вот
Над невскою волною,
Неподражаемо велик,
В час утренний
Передо мною
Предстал любви моей должник.

Еще тогда,
В перронной давке,
Он, хитрый, на моем пути
Поставил будочку Горсправки:
Мол, так легко ее найти.
И, отсылая к доброй даме,
Он знал, что та меня убьет
Обыкновенными словами:
«У нас такая не живет».

Мне объясняют осторожно...
Нет, нет! Не надо объяснять,
Что девушкам совсем не сложно
Свои фамилии менять.

Зашел я в первый переулок
И, глядя на дома, стою...
В какой из каменных шкатулок
Ты скрыл жемчужину свою?
Скажи, куда заставил деться,
Ответь мне, за какой стеной
Стучит загадочное сердце,
Так и не понятое мной?..

И слышу:
Из соседней улицы,
Где люди толпами снуют,
Рояль и скрипки, как союзницы,
Мне тихий голос подают.
Хотят судьбу мою улучшить,
Совет спасительный мне дать:
Ходить под окнами и слушать –
Она не может не играть.

* * *

Она не может не играть,
Задумавшись, она не может
Наш снежный край не вспоминать
И трудный срок,
Что снами прожит.
И я ведь тоже берегу
И в памяти несу сквозь годы
Костры на голубом снегу,
Где в холод
Строились заводы.

Она могла не полюбить
Немую строгость наших елей,
Но те костры,
Но плач метелей
Она не может позабыть.

Льет дождь,
Он хлещет по лицу,
Плащ мокрый
Липнет к мокрым брюкам,
Две ночи
От дворца к дворцу
Шагаю Невским,
Чуткий к звукам.

Рояль заслышу и бегу,
А где-то
Новый завлекает...
По звукам рассказать могу,
Кто,
Где,
Когда
И как играет.

Вот эта:
До чего ж юна!..
Рыбешкой в чешуе нарядной
Все хочет вглубь,
А глубина
Выносит, легкую, обратно.

Отчаясь в глуби заглянуть,
Она без муки повторенья
Спешит на солнышке блеснуть
Своим красивым опереньем.
А этот
Все постиг уже
И, неприступный и холодный,
На самом нижнем этаже
Живет, как сом глубоководный.

Там воды тяжки и темны,
Но с ними нелегко расстаться...
В нем сердце может разорваться
От недостатка глубины.

* * *

Весь город утопал в закате
Необычайной густоты.
Застежками на синем платье
Темнели невские мосты.
Без позолоченных уборов,
Забыв о Боге вспомянуть,
Клонились головы соборов,
Чтоб на красавицу взглянуть.
Великий Петр,
Перед рекою
Вздымая дикого коня,

Грозил им медною рукою,
Осатанев: «Она – моя!»

Лишь я,
Уставший от исканий
И от мелодий, чуждых мне,
Без этих царских притязаний
Свой взгляд покоил на волне.
Катились волны еле-еле,
Но плеск их был притворно тих...
Вот так прошли,
Отшелестели
Все лучших девять лет моих.

И снова к ней душа стремится,
Как будто я в горячке дней
Забыл как следует проститься
С ушедшей юностью моей.
Не нарушая горькой думы,
Еще дремотней, чем волна,
В привычные для слуха шумы
Вплелась мелодия одна.
Родившись где-то за стеною.
Она, чуть слышимая мне,
Пришла как будто не за мною,
Бродила долго в стороне.
Сидел
И слушал и не слушал,
Но, как бывает только в снах,
Она вдруг захватила душу
И сердце понесла в руках.

Другие звуки налетели –
Как пленник шел я в их кругу:
И вот почудились метели,
Костры на голубом снегу.
И те костры, со мной блуждая,

Вели куда-то вдоль Невы...
Подъезд...
И здесь,
Чуть-чуть зевая,
Лежат египетские львы.

Я подошел,
Стою на месте,
И львы ленивые лежат.
Что – честь ее или бесчестье
Они, слепые, сторожат?
А было,
Я не сомневался,
Не отравлял мне душу яд,
Когда вот так же поднимался
К любимой
Девять лет назад.

* * *

На меня удивленно глядит
Глазами широкими,
Будто знала, что был я убит,
Будто знала, что был я зарыт,
И, как многие многими,
Был за давностью ею забыт.
С огоньками-зарничками
Вижу те же глаза и не те...
Будто кто-то шалит в темноте
Отсыревшими спичками.

Как прежде, при встрече
К груди не прижат.
Вот и рядом, а так далека!..
И губы дрожат,
И ресницы дрожат,

И дрожит золотая серьга...
Даже соболя
Тронула легкая дрожь:
На плечах удержаться не мог.
На огонь потухающий
Был он похож,
Чуть заметный сквозь сизый дымок.

Предо мной
Распахнулась сибирская даль,
Где мне встретилось горе мое,
Мне припомнилась
Старая-старая шаль,
Согревавшая плечи ее.
Образ тот
На тяжелом стальном полотне
Девять лет я алмазом врезал.
А она:
Дескать, кто вам сказал обо мне?..
Кроме сердца,
Никто не сказал!..

Удивляешься?
Полно!
С любовью моей
Было просто тебя подстеречь.
Так охотник
По следу прошел соболей,
Что твоих удостоены плеч.

...Представь себе, в глуши лесов
Нет соболиных адресов.

Там соболь по снегу петляет,
Потом, глядишь, найдет дупло.
И если только в нем тепло,
Он спрячется и отдыхает.

Охотнику не шлет он весть
Ни прямо почтой, ни окольно...
Охотник знает: соболь есть –
И этого уже довольно.

И ест охотник на бегу,
И засыпает на снегу.

Зверь то внизу,
То в темной кроне
Среди разлапистых ветвей...
В тяжелом поиске, в погоне
Проходит много-много дней...
Когда усталый зверь в пути
Между корягами забьется,
Охотник ставит сеть.
К сети
Подвешивает колокольца.

Трещит мороз, и снег идет.
Охотник ждет, и соболь ждет.

Ночь...
Зверю мнится: нет засад...
И раздается звон, похожий
На тот, что полчаса назад
Вдруг зазвенел
В твоей прихожей.

Охотник тот настойчив был,
Чтобы твои украсить плечи...
А он тебя ведь не любил
И не мечтал, как я, о встрече.
Ему от чьей-то красоты
Ни сладко не было, ни больно...
Я знал, что в Ленинграде ты, –
И этого уже довольно.

Свое достоинство храня,
Как с гостем говорит случайным,
И за столом
Сервизом чайным
Отгородилась от меня.
Заводит речь о жизни райской,
О безупречности своей,
О муже...
И фарфор китайский
Как бы поддакивает ей.
И я заметил на стене:
Добавкою к семейной притче
Из рамки улыбался мне
Семьи удачливый добытчик.
Безделицами окружен,
Которым так легко разбиться.
Задумчиво, как умный слон,
Сижую, боясь пошевелиться.
Ее оглядывая «рай»
И прошлое припоминая,
Прошу доверчиво:
«Сыграй!..»
«О нет... Давно уж не играю!..»
И чтоб упрашивать не стал,
Лениво повела рукою...

«Но кто же, думаю, играл,
Но кто же бредил здесь пургою?..
Чьи руки воскресить сумели
Те ночи давние, те дни:
Непотухавшие огни,
Незатихавшие метели?»

А в это время из дверей,
Где лак рояля засветился,
Несмелый мальчик вышел к ней
И, сделав шаг, остановился.
В лице незрелой красоты
Слились, сплелись,
Как звуки в гамме,
Ее красивые черты
С чужими смутными чертами.

И понял я
Сознанием всем:
Меж нами
В маленькой квартире
Легло пространство
Больше, чем
От Ленинграда до Сибири.

Опять далекая!..
И жаль,
Что даже не с кем
Мне проститься:
Той девушке, носившей шаль,
Здесь не позволят появиться.

А что без той любовь моя?..
Безрадостна и сиротлива!..
Дверь...
Лестница...
Очнулся я
На жестких космах
Львиной гривы.
Мои ли тронули слова,
Но плакал зверь,

Большой и грозный.
Я видел, как по морде льва
Катились каменные слезы.

Себя в дороге веселя,
И так беспечно,
Так не к месту
Пел кто-то, подходя к подъезду:
«Тру-ля-ля-ля!.. Тру-ля-ля-ля!..»
При встрече,
Сделав поворот,
Успел заметить я,
Что это
Беспечно трулюлюкал тот,
Глядевший у нее с портрета...

* * *

Рассвет.
Еще улицы немые,
И город в безмолвии строг...
Он, как пушкинская поэма,
Из которой не выбросишь строк.

Окна
Моют светлые блики.
Мне же с глаз моих
Ночи не смыть...
Вот и утро,
О, город великий,
Ты проснулся – давай говорить.
Как мне быть?
Если, горем согнут,
В суд приду я с болью своей,
Мне суды твои не помогут,

Нет в них подходящих статей.
Я приехал
Из дальней дали
И уеду, о том скорбя,
Что ее у меня украли...
Но украли и у тебя!..

И не думаю, что случайно
В тот же миг за моей спиной
Засмеялся звонок трамвайный –
Ну, конечно же, надо мной.
Дескать,
Эй, оглянись, прохожий!
Так и замер я на мосту
Перед девушкою, похожей
На потерянную мечту.

Вышла,
Словно ее и ждали,
Еще сонная поутру,
В той же кофточке,
В той же шали,
С прядкой, вьющейся на ветру.
И любовью той же любима,
Той же песней увлечена...
Но уже,
Пробегая мимо,
Не признала меня она.

1954

СЕДЬМОЕ НЕБО

РОМАНТИЧЕСКАЯ ПОЭМА

ЗЕМЛЯ И ВЕГА

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ГЛАВА

(вместо эпиграфа)

Начало жизни
Где-то далеко,
Конец ее,
Быть может, недалече.
Пройти свой путь
Мне было нелегко.
Рассказывать о нем
Еще не легче.

Моя Душа и Небо –
Мы родня,
Но то, Седьмое,
Что звало к полету,
Как ни взлетал,
Подобно горизонту,
Все время
Отходило от меня.

Небесную
Познал я благодать,
И потому,
Хоть не достиг Седьмого,
Не страшно было
Крылья мне ломать,
Залечивать
И подниматься снова!

ЗЕМЛЯ И ВЕГА

– Летим!
– Куда летим?
– Летим к далекой Веге. –
Посадка.
Взрыв.
И мы в стальном ковчеге.
Спешим в бреду
Космической езды
На праздник основания звезды.
Летим сквозь ужас
Темноты кромешной
В мир молодой,
Безбрежный
И безгрешный,
Летим
К полузабытым детским снам...
Земные жены надоели нам.

Все позабуди.
Все связи оборви.
Кровь остуди.
Угомони смятенье.
Нет, все же тяготение любви
Всесильней,
Чем земное тяготенье.

Ночь.
Ночь.
И ночь.
Здесь не бывает дня.
Мы средь миров блуждающих
Повисли.
Чем невесомей тело у меня,
Тем тяжелей,
Тем полновесней мысли.
О, эти мысли!

Как-то невзначай
Сказал «прощай» –
И стало вероломным,
И стало это самое «прощай»
Таким тяжелым
И таким огромным!

Земля!
Тревожно за нее порой,
Как будто в тесном доме
Без привычки
Детей своих оставил за игрой
И не прибрал,
И не припрятал спички.

Взгляну вперед –
И дивно для очей:
Бока планет
В космической пустыне
Шершавятся,
Как дыни на бахче,
Клянусь Землей,
Как золотые дыни!

Там в тишине
Зудит,
Гудит оса...
Все ближе.
Громче.
В аспидном тумане
Ракета встречная.
И голоса,
И неземные лица на экране.

Блестят зрачки,
Большие, как очки.
Хмельны,
Шумны,

Обличием не стары,
Летят,
Поют...
Куда, весельчаки?
Откуда вы, небесные гусары?

Все отошло.
И милую не жаль.
Ни перед кем
Не чувствую вины я.

Обида,
Ненависть,
Тоска,
Печаль –
Понятья исключительно земные.

Но нет,
И здесь любовь и боль в ходу.
Где Млечный Путь
С другим сходился Млечным,
Я, ставший между звезд
Почти беспечным,
Подслушал стон
И подсмотрел беду.
Беда – везде беда,
И стон есть стон,
Земной ли наш людской
Или вселенский.
А стон все громче...
Ну откуда он?
И этот тихий плач,
Гортанный,
Женский?

И наконец,
Заняв экран большой,
Сначала смутной,

Легкой-легкой тенью,
Из дальней
Из галактики чужой
До нас дошло
Печальное виденье.
Он умирал.
В скорлупке корабля
Их было двое.
Было только двое!
Он умирал,
Бог весть о чем моля,
Упав в ее колени головою,
Она шептала странные слова
И кудри гладила.
Глядел с экрана
Застывший страх,
Почти как у Марьяны
В момент паденья нашего По-2...

Что нужно вам
В холодных безднах тьмы,
Вам, любящим друг друга?
Как нелепо!
Инопланетцы, неужель и вы
Здесь ищите
Свое Седьмое небо?
И я ищу,
И у меня есть флаг
И страстных
И опасных путешествий...
А если умирать,
Я б умер так,
Да, только, только так:
С любимой вместе.

Сородичам земле нас не предать.
Нетленные, орбитою туманной

Мы стали бы звездой безымянной
Летать...
Летать...
Летать...
Века летать!

Но вот и Вега.
Описали круг,
Упали кошкой на стальные лапы.
Долой ремни,
Распахиваем люк,
Бросаем трап,
Спускаемся по трапу.
Нисходим вниз, как на морское дно,
Где все сине:
И небо и полянки.
Не знающие горя вегианки
В больших цветах
Подносят нам вино.
И девушка,
Заметив, что кипучей
Не смею влагой губы замочить,

Показывает что-то, –
Видно, учит,
Как пить вино...

Меня ли ей учить!
Лепечет что-то...
Ласковым участием
И нежностью
Не мог я пренебречь.
Как только принял
Звездное причастье,
Понятной стала неземная речь.

Мой пышный чуб,
Служивший мне до срока

Подмогой в незавидной красоте,
Стал станцией приема биотоков,
Чтоб говорить
С живущей на звезде.
– Хорошая! –
И слышу, сердце бьется,
Мое ответным чувством взвеселив.
Все понимает,
Радостно смеется
И отвечает:
– Милый сын Земли...

В саду гуляем тихо,
Птиц не будим,
Беседуем без слов,
Вопрос – ответ,
И в полумраке маленькие груди
Томливо излучают
Теплый свет...

И вот одна,
Светившая округло,
Под жесткою рукой моей
Потухла.
И я услышал
Крик ее стыда,
Немой укор,
В меня успевший влиться:

– О, сын Земли,
Я молодая жрица
В ареопаге звездного суда.
Мы судим всех,
Забывших о прекрасном,
Мы судим многих,
Кто в земном краю
Не из большой любви,
А из соблазна
Любил,

Страдал
И тратил жизнь свою.

Сказав, ушла.
Молю ее:
– Пстой! –
Ответ доносит
Чувство мне шестое:
– О, сын Земли,
Мы судим чистотой!
О, сын Земли,
Мы судим красотою!

* * *

Земля!
Что может быть красивее!
Летел на праздник я...
А тут!..
Ведут,
Ведут,
Ведут Василия
На непонятный
Звездный суд.

По синь-пескам,
По мхам распластанным
Сто юных жриц,
Красой светя,
Ведут меня,
Земного мастера
Штамповки,
Ковки
И литья.

Красиво,
Как на райской каторге.
Ведут.
Дороге нет конца.

Ведут.
Уже прошло три радуги,
Три арки судного дворца.

На этот раз
Пред хитрой карою,
Должно быть, так заведено,
В цветке подносит мне вино
Старуха старая-престарая:
– Испей! –
И, тронутый поблажкою,
Пью – отливает кровь от щек.
– Что ощущаешь?
– Старость тяжкую. –
Старуха рада.
– Пей еще. –
И показала мне овальное,
Оправленное стеклецо,
И отразила гладь зеркальная
Мое потухшее лицо,
Глаза холодные,
Уставшие
Под жалкой вывеской бровей.
– Что жаль?
– Жалею дни пропавшие,
Любовь, не ставшую моей.
Все, все жалею,
Что непочатым
Оставил на земном пути... –
Она раскрыла двери створчаты,
Сказала:
– А теперь иди.
У молодого мало жалости,
Что юным приговор судьбы.
Теперь ты старый,
А у старости
Сильней раскаянье.
Иди!

Земля!
Страшны суды вегейские!
Тебе ль, мудрующей в труде,
Передавать дела судейские
Чужой,
Неласковой звезде.
Меня обидели, ославили,
Меня до времени состарили.

Так вот зачем вино я пил!
В тяжелом непривычном шаге
Через порог переступил
И отступил
В невольном страхе.

В кругу,
Куда меня ввели,
Увенчанного сединою,
Сидели женщины Земли,
Любимые когда-то мною.
Боль.
Жалость.
Страх.
Усмешка уст.
На лицах некогда любимых
Так много отразилось чувств
И схожих
И разноречивых.

Из всех,
Любивших допьяна,
Из всех,
В любви неопьяненных,
Из всех судивших
Лишь одна
Глядела на меня влюбленно.

Как в ту весну,
Как в том саду,
Как в ту прощальную беседу:
«Когда ни позовешь – приду,
Куда ни позовешь – приеду!»

Как в ту весну,
Как в том саду,
Как в пору клятвенного пыла.
Не звал.
Примчалась на звезду.
Обиды, горечь –
Все забыла.
Примчалась
И свою печаль
Переложила мне на плечи.

Тех, кто забыл меня, не жаль,
Им легче,
Той вон, рыжей, легче.
Не смейся.
На Земле ругай,
А здесь убитому тоскою
Усмешкою не намекай
На унижение мужское.

В ту ночь
К костру твоих волос,
Светивших искорками всеми,
Я муки робости принес
И нежности большое бремя.
В ту ночь не понимала ты,
Что счастью
Более, чем скупость,
Мешает легкая доступность
И постижимость красоты.
Минуты первой не порочь,

Я за нее стыжусь не очень,
Ведь судят не за эту ночь,
А судят за другие ночи.
За те,
Развевявшие страх,
Когда, укрывшись темнотою,
Все чистое и все святое
Сжигал я на твоих кострах.

Среди сидящих предо мной
В прохладе синего тумана
Ищу глазами:
Где Марьяна?
И слышу голос неземной:
– Сюда, чтоб суд тебя судил,
Могли явиться по условию
Лишь те,
Которым ты платил
Ненастоящею любовью.
В покои судного дворца,
Согласно правил,
Были вхожи
Лишь те,
Чьи юные сердца
Ты в лучших чувствах обнадежил...

И кто же я,
Какой ни есть,
Заспорил на звезде, как дома:
– Но почему и Дина здесь,
Сама ушедшая к другому?
Она же счастлива, любя?
– Да, – отвечали мне игривей, –
И все же, не познай тебя,
Была б она
Еще счастливей.

Вмешалась
В сумерках ветвей
Обиженная мною жрица:
– Ей память о любви твоей
Мешает счастьем насладиться.

А та сидит, потупив взор,
Не веря в то, что я преступен.
Ей наш эфирный разговор
Был совершенно недоступен.
Ах, Дина, дело не в словах.
Как быстро ты,
Меня бусы,
Прическу,
Блузкой в кружевах
Приладила к иному вкусу.

Вином, испитым мной до дна,
Бедой и муками терпенья,
Была способность мне дана
Ее подслушать откровенья:

– Как я обязана душой
Ему, несчастному такому,
Ведь от его любви большой
Зажглась моя любовь к другому.
Слепой, мне хорошо жилось,
Но вскоре поняла его я.
Он был со мной
Как добрый гость,
Даривший счастье гостевое.
И стали страсть во мне гасить
Стыда и скованности муки,
Как будто в праздник
У подруги
Взяла я платье поносить...
Все ж ревности не утая,

Подумала тепло и страстно:
«Где ты, стыдобушка моя,
Набегал этих,
Всяких-разных?!»

И сам дивлюсь...
Соседка Дины,
Нежна за двух,
Дерзка за двух,
Не пощадив мои седины,
Заговорила прямо вслух:
– Какие-то мечты, проблемы...
Ты все искал,
То тих, то зол.
И вот перед тобою все мы!
Что ты искал?
Что ты нашел?
Вот все мы. Все.
Окинь глазами.
И ты, чье имя берегу,
Всю жизнь мотался между нами,
Как в заколдованном кругу.
Вот все мы с жаждою зачатъя,
С мечтою в бабьем подоле,
Одною тайною печатью
Заверенные на Земле.
Когда бы я не испугалась
Нечаянных житейских гроз,
Уже давно бы сын твой рос
И утешал бы твою старость.
Скажи мне, что ты приобрел,
Когда по снегу,
По бурану,
Пренебрегая мной,
Побрел
Искать какую-то Звездану?..

О, имя,
Сколько света в нем!
Перед зарею ли,
В ночи ли
Меня с ним, помню, обручили
Еще в младенчестве моем.
Звезда на небе отгорит
И скроется среди тумана,
Мать скажет:
– Вон к тебе летит
Твоя красавица Звездана.

Звездана,
Слышишь ли, родная,
Как, принимая дерзкий вид
И о тебе напоминая,
Земная женщина мне мстит.
Умру,
Не встречу,
Не узнаю,
Бледнея, не прижму к груди.
Землей и Вегой заклинаю:
Приди ко мне!
Приди!
Приди!

Вдруг лестница...
И с высоты
Спешит Звездана.
Ниже...
Ниже...
Уже близка,
Уже я вижу
Давно знакомые черты.
Вот туфельки сняла
И к нам
По ступеням

Спешит спуститься –
Так к уходящим поездам
Спешат,
Чтоб ехать
Иль проститься.
Померкла красота земных,
Но нет обид и нареканий.
Все, все,
Что нравилось мне в них,
Теперь слилось в одной Звездане.

И вот она.
Конец погоне.
Я нежно взял в полукольцо
Своих натруженных ладоней
Ее небесное лицо.
Я взял его, чтоб надивиться
В награду за любовь и труд,
Как воду из ручья берут,
Когда хотят в пути напиться.

Любовно глядя мне в глаза,
Ресницы сизые смежала.
На девственных губах дрожала
Скупая звездная роса.
И вдруг почувствовал смущенье,
Как перед дочерью родной:
Да, грех любви ее со мной
Грехом бы стал кровосмешенья.
А я ведь гордый,
В дни страданья
Ее придумал для себя.
Она мечты моей созданье,
Душа моя
И плоть моя.
Я отдал годы.
С каждой тратой
Она мне делалась родней.

И вот все отданное ей
Теперь становится преградой.
Ах, раньше б!
Прежде трата сил
Меня с мечтой не так роднила.
– Скажи, родная, – я спросил, –
Что ж раньше ты не приходила?–
Все поняла.
Затосковала.
– Пришла б, –
Сказала дочь Звезды, –
Но у меня недоставало
Какой-то маленькой черты.
Была бы я чуть-чуть иная
Без этой черточки одной, –
Ее искал,
Теперь я знаю,
Какой-то юноша земной...
Черты
Жемчужинками в море
Я для тебя искал, мечта.
Мне обошлась в громаду горя
Твоя последняя черта.

Ошибся раз – и стан твой гибок.
Ошибся два – и ты умна.
Ты из цепи моих ошибок
И заблуждений создана.
Найду любовь и не поверю,
Несхожести не потеряю.
Что было для меня потерей –
Находкой было для тебя...
Уже огни на Веге гаснут,
А мне неведомы пути.
Ты так светла,
Ты так прекрасна,
Пройди со мною,
Посвети!

Земля моя,
Моя родная Русь,
Везде с тобой
Мое земное сердце.
Неужто я,
Когда домой вернусь,
Услышу плач
И стоны погорельцев?
Земля моя,
Тревожно мне порой,
Как будто в тесном доме
Без привычки
Детей своих оставил за игрой
И не прибрал,
И не припрятал спички.
И потому
На небе на Седьмом
Тревожусь я делами цеховыми,
Ведь мы на самолете боевом
Кроили крылья
Слишком голубыми.

Истратив звезд
Запас словесный,
Я разговаривал с родной
И поверял душе небесной
Сомнения души земной.
Я говорил:
– Здесь вянет тело
Перестоявшею травой.
Летим домой.
Мне нужно дело,
Я человек мастеровой. –

И даже в грусти безотрадной
Ее не тронула мольба.
– Будь счастлив! –
И рукой прохладной
Горячего коснулась лба.
– Прощай...
– Постой, моя краса!
– Нет,
Я не для судьбы житейской. –
И скрылась,

И в ночи вегейской
Светили мне
Одни глаза...

Очнулся.
Цех гудел в горячке.
Слепой,
Еще во власти снов,
Я поднял голову от пачки
Дюралюминьевых листов.
Еще любимый голос слышал.
Был поздний час,
И, как всегда,
В пролете застекленной крыши
Все та же виделась звезда.

* * *

Что сон?!
Фантазия!
Наитье!
Но станет жизнь вдвойне ясна,
Когда реальное событие
Ворвется продолженьем сна.

Гагарин!.. Юрий!..
В счастье плачу,
Как будто двадцать лет спустя,
Отбросив тяжесть неудачи,
Взлетела молодость моя.
Все близко сердцу.
На планеты
Как будто я и впрямь летал.
Скажи, горячего привета
Мне там никто не передал?

И не стыжусь,
И не краснею,
Что ты, свершая свой полет,
На двадцать лет пришел позднее
И на сто лет уйдешь вперед.
Мы люди разных поколений,
Но на дороге голубой
Я рад всем точкам совпадений
Моей судьбы
С твоей судьбой.
Чем круче хлеб,
Тем жизнь упорней.
Я рад, что мы с тобой взошли
От одного большого корня
Крестьянской матери-земли.

Деревня,
Школа,
Логарифмы,
Литейка,
Летная пора.
Все было схожим,
Даже рифмы
На остром кончике пера.

Мы жили словно в дружной паре,
Точнее – шли мы следом в след.
Я просто Горин,
Ты – Гагарин.
Но двадцать лет
Есть двадцать лет!
Недаром же
По воле века,
Приход достойных торопя,
Меня испытывала Вега,
Чтоб не испытывать тебя.
Чтоб волю дать твоим дерзаньям,
Когда ты рос, как все, шая,
Меня подвергла испытаньям
В те дни тревожная Земля.

Чтоб, дерзкий,
Ты взлетел с рассветом
И возвратился в добрый час,
Мы все стерпели,
Но об этом
Я поведу другой рассказ.
Я расскажу иными днями,
В словах по сердцу и уму,
Какими трудными путями
Мы шли к полету твоему.

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ В. Д. ФЁДОРОВА

1935

Стихотворения: «Серебрится водяная гладь...», «Пусть в тебя влюбится дракон...».

1936

Учеба в Новосибирском авиатехникуме. Очерк о брате. Стихотворение «Три товарища».

1937

Продолжение учебы. Начало написания стихотворения «Испанская метрика» («Я в Испании родился...»).

1938

Окончание Новосибирского авиационного техникума. Мастер Иркутского авиационного завода.

1939

Напечатаны стихи и очерки в Иркутской заводской многотиражке. Стихотворение «Муза» («Поле было спокойно...»).

1940

Стихотворение «К Матери» («Говорила о юности...»), Иркутская областная газета «Советская молодежь».

Стихотворение «Надо видеть» («Удивляться – мало...»),

Многотиражная заводская газета «Сталинец».

Очерки о рабочих Иркутского авиационного завода.

1941

Маленькая поэма «Свадьба».

Новосибирский авиационный завод, старший мастер сборки истребителей.

1942

Стихи о войне и о любви.

1943

Начало написания поэмы «Лирическая трилогия».

1944

Родина. Стихи молодых поэтов. Новосибирск. В сборнике опубликовано девять стихотворений:

«Прощай село!», «Родина», «Даже в праздник», «Будь счастливым», «Сосна», «Колос», «Учитель через много лет», «Письмо», «Завещание».

1945

Завершена поэма «Лирическая трилогия».

1946

Поэма «Марьевская летопись».

1947

Лирическая трилогия. Первая книга. Новосибирск.

На Белой Гриве. Очерк. Новосибирск.

Золотые звенья. Новосибирск.

Стихотворение «Встреча» («Приход любви необычаен...»).

Сонет «Когда судьба с тобой меня свела...».

Участник Первого Всесоюзного совещания молодых писателей.

1948

Учеба на очном отделении Московского литературного института имени Горького. Стихотворения: «Другу»

«Ты шепчешь, что в моей груди...», «Найду ли я дорогу на Москву?..».

1949

Маленькая поэма «Птичий сад».

1950

Окончание Московского литературного института имени Горького.

1951

Очерки. Проза. Журналы: «Сибирские огни», «Новый мир», «Огонек», «Смена», «Крестьянка».

1952

Маленькие поэмы: «Пурга», «За рекою ключевой». Стихотворение «Мне с каждым днем труднее жить...». Повесть «Светлый залив».

1953

Зрелость. Повесть. (М.: Молодая гвардия). Маленькая поэма «Ленинский подарок».

1954

Маленькие поэмы: «Обида», «Далекая».

1955

Добровольцы. Повесть. М.: Молодая гвардия.

Лесные родники. М.: Молодая гвардия. Марьевские звезды. Новосибирск.

Стихотворение «Сердца».

1956

Принят в члены Союза писателей СССР.

Маленькие поэмы: «Первые слезы», «Белая роща». «Проданная Венера».

1957

Маленькие поэмы: «Дуся Ковальчук», «Золотая жила».

1958

Белая роща. М.: Молодая гвардия.

Дикий мед. М.: Советский писатель.

1959

Золотая жила. М.: Правда.

Начало написания поэмы «Седьмое небо».

1960

Не левее сердца. М.: Советская Россия.

Маленькие поэмы: «Пролог», «Муза», «Хозяйка».

1961

Лирика. Гослитиздат.

Белая роща. 2-е изд. доп. М.: Молодая гвардия. Маленькая поэма «Бетховен».

1962

Седьмое небо. Стихи и поэмы. М.: Советский писатель.

1963

Лирика. День поэзии. М.

Маленькая поэма «Гамлет в совхозе».

1964

Книга Любви. 1-е издание. М.: Московский рабочий.

Маленькие поэмы: «Совесть», «Аввакум».

1965

Второй огонь. М.: Художественная литература.

Маленькая поэма «Отец».

1966

Третьи петухи. М.: Молодая гвардия.

1967

Награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Стихотворения. М.: Художественная литература.

Завершена поэма «Седьмое небо».

1968

Лауреат Государственной премии РСФСР имени Максима Горького.

Книга Любви. 2-е издание. доп. М.: Московский рабочий. Седьмое небо. М.: Советский писатель.

Избранная лирика. М.: Молодая гвардия.

Маленькая поэма «Карой Лигети».

1969

Стихи. День поэзии. М.

1970

Стихотворения и поэмы: в 2 т. М.: Худож. лит-ра.

Поиск прекрасного. М.: Советская Россия. Третьи петухи.

Седьмое небо. М.: Советская Россия.

Стихотворение «Распахнутое сердце».

1971

Награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Седьмое небо. Новосибирск.

Крылья на полдень. М.: Воениздат.

Маленькая поэма «Человек».

1972

Седьмое небо. М.: Современник,

Избранные стихотворения. Кемерово.

1973

Книга Любви. 3-е издание, доп. М.: Молодая гвардия. Наше время такое. М.: Современник.

Начало написания поэмы «Женитьба Дон Жуана».

Замысел написания «Био-Банка» (Сны поэта).

1974

Книга Любви и Веры. М.: Современник.

Как цветы на заре. М.: Советский писатель.

1975

Собрание сочинений: в 3 т. М.: Молодая гвардия.

1976

Награжден орденом Октябрьской Революции.

1977

Завершена поэма «Женитьба Дон Жуана».

Женитьба Дон Жуана. Ироническая поэма.

М.: Современник. Терцины: Видение, бывшее мне в метро имени Маяковского. Стихи: Диалог, Бессоница, «Пока горит моя заря...», «Когда раздоры раздиром...».

1978

По главной сути. М.: Современник,

Избранное. М.: Советская Россия.

Стихи. М.: Художественная литература.

Женитьба Дон Жуана. Иронич. поэма. Роман-газета. № 18. М.: Художественная литература.

Стихотворения. Поэмы. Мурманск. Терцины: Боткинский лист, «Жизнь суетна...». Стихи: В защиту

поэмы, «Нас грешник учит больше, чем святой...», «В гордости, в надеждах и страданиях...», «Я не старый...».

1979

Лауреат Государственной премии СССР.

Золотая жила. Поэма. М.: Современник.

Сны поэта. Новеллы: «Чертово молоко», «Хромовые сапожки», «Мои метаморфозы», «Два видения и один сон», «Закон Дарвина», «В стратосферу и выше!», «Жар-птица», «Мне где-то сердце вручено...», «По следам Чингизхана», «Березовый рай», «Почти по Фрейд», «Двойник».

Журнал «Москва». № 8.

Новеллы: «Голова Земли», «К чему бы?...»

Журнал «Москва». № 9.

Новеллы: «Черный ангел», «Наташа», «Цыганская мадонна», «Лошадиный эмбрион».

Журнал «Москва». № 10.

Стихотворения: «Бородатая собака», «На Парнасе».

1980

На Парнасе: Стихи. День поэзии. М. Стихи. Альманах. М. Стихотворение «1980 год».

1981

Седьмое небо. Омск.

Стихи: Русские плотники, «Мастерство заразной многих зараз...», «В горячий век среди лесов и нив...».

1982

Женитьба Дон Жуана. Иронич. поэма. М.: Сов. Россия.

Как цветы на заре. М.: Сов. писатель.

Сны поэта. Новеллы: «С Пушкиным на балу», «Катаклизм», «Черная прядка букета».

Журнал «Москва». № 7.

Стихи: Время, Звездная память, Мир, «Есть книг тома...», «Люблю я день после дождя...», «В край родимый ехать...», О дальнем.

1983

Поэмы. М.: Художественная литература.

Терцины: Завоеватель и мастер.

Стихи: Рождение стрекозы, Кедровая доска, «Звезда на небе...», «Я снова жив...», «Все седые – семьи одной...», «В небесах не витаю...», Испанская метрика (1937–1983 гг.), К западной Европе.

1984

Последние произведения.

Терцины: Мать и сын.

Стихи: «Отшатнулся...», «Есть и на ярком солнце пятна...», Олимпийский мотив, «Я уже не с вами...».

Р. С. Последние две новеллы из цикла «Сны поэта»

«Человек из портрета», «Сны с Тартюфом» напечатаны посмертно в журнале «Наш современник». 1985. № 4.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
ЮНОСТЬ ЛЮБВИ	
«О, Юность...»	6
«И мороз, и снег бескрайний...»	7
«Когда влюбляются титаны...»	7
«Мы с тобой немного пробежали...»	8
«Серебрится водяная гладь...»	8
«Не знаю, как вы...»	9
«Судьба подступает...»	11
«Кто б Жизнь мою окинул оком...»	11
«Все, что сказал – ценой седин...»	11
«Не встречаться бы, Оксана...»	12
«Когда уйдет она, невольно...»	12
«Если б ту тишину...»	12
«Мне с каждым днем труднее жить...»	13
«Пусть в тебя влюбится дракон...»	13
Сонет	14
«Среди чужих и неприветливых...»	14
Встреча.....	15
«Ты шепчешь, что в груди моей...»	17
Портрет	18
«Как с неба полночного звезды...»	19
Звонок	20
Письмо.....	21
«Отцветает тополь...»	22
Отъезд	23
К Матери.....	24
Свидание (На берегу).....	25
Другу	27
«Если у лебедя ранят подругу».....	27
О НЕЙ	
«Я повстречался с Женщиной одной...»	28
«Весной рабу пера...».....	29
«Цветы и травы пахнут так...»	29
«Лицо тоскою выбелю...».....	30

«Не затем я горячее сердце ковал...»	30
«Обидят. Оболгут. Не мщу...»	31
«Так мне велит Души настрой...»	31
Оставьте мне тайну	32
«Вот пишу, и грустно мне...»	34
Елена Прекрасная	35
«По главной сути Жизнь проста...»	38
«О, Женщина, краса земная...»	39
Восточный мотив	40
«Как второе пришествие...»	41
«Любовь мне, как блистание...»	41
«Я не знаю сам, что делаю...»	42
«Как случилось, не заметил...»	43
«Влюбленных шумно – легок воз...»	44
«Радость, нежность и тоска...»	44
«Не вынес я тоски недель...»	45
«Как пламя яркого огня...»	46
«Любовь к тебе, стыдясь, не спрячу...»	47
«Если б богом я был...»	47
«Все речи да речи...»	48
«Милая моя, милая...»	49
«Как цветы на заре...»	50
«Куда я – такой? Кому я – такой...»	51
«Я создан весь, чтобы тебя любить...»	51
Заграничное	52
«Стройным хвастая станом...»	55

ИГРЫ ЛЮБВИ

«Не пора ли, не пора ли...»	56
«Скажи, мое сердце...»	57
Библейский мотив	58
«Ну вот опять я начудил...»	59
«Весь отдаваясь помыслу...»	60
«Молчи! Ты ссоришься со мной...»	60
Погоня	60
«Угар Любви мне мил и близок...»	62
«Не о такой, как ты, мечтается...»	63
«Придорожная ромашка...»	63

Травница	64
Цыганка	65
«Твердишь ты, что расстаться нам пора...»	66
«Ну полно... полно...»	67
Ландыши	68
«Завывает ветер за окном...»	68
«Когда в печи большого дома...»	69
«И он хорош. И ты прекрасна...»	69
«Мы не подумали о том...»	70
«Любовью, гневом сердце мая...»	71
«Такое нечто сходное...»	71
«Вагоны мимо, мимо, мимо...»	72
Любка-Любочка	72
В Ленинграде	75
«Была Любовь...»	76
«Жизнь поэта – не простая штука...»	77
«В этом нет моей вины...»	77
«Не ходим в эстетической уздечке...»	78
«Не изменяй!...»	79
«Пришла и чуткою и нежною...»	79
«Любил, как сон, Прелестную...»	80
«Он был ворчун...»	81
«Что за чушь слышу я...»	81
«Молодая береза совсем не белая...»	82
«Гляжу я, глаз не отрывая...»	82
«Остаток дня нам вместе мчаться»	83
«Мы с нею повстречались вновь...»	84
«Меня хулят, меня корят...»	84
УТРАТЫ ЛЮБВИ	
«Средь черных чертовых забот...»	85
«Не за слезы ли, что лила...»	86
«Душе безысходней...»	87
«Знакомо, как старинный сказ...»	88
«В глазах твоих, чужих и злых...»	89
«Было все, всего нелепей...»	89
«Уйдет Любовь, с тобой повздорив...»	90
«Все открыто, все наружу...»	91

Белая роза	91
«У моей у Любви, у Страсти...»	93
«Говорят, что Красоты не стало...»	94
Надпись на камне	95
«Я видел: еще до рассвета...»	96
«Все равно нам с тобою не слиться...»	96
«Как Душою ни бьюсь...»	97
«Еще недавно нам вдвоем...»	97
Матери	98
«Голова моя, головушка...»	99
«Немало встречал я красавиц бедовых...»	99
«Мне житейская мудрость...»	101
«Плачь. Пусть слеза прольется...»	102
«Я ушел. Ни к чему теперь вздохи...»	103
«Ты говоришь: я мщением дышу...»	103
Реквием	105
«Чему сердце молилось...»	106
«В наше Счастье веры больше нету...»	107
«Мне сказали: полно, море смое...»	108
«Уйти? Уйду!...»	108
«До того, как средь множества прочих...»	109
«Где плыву? Куда причалю?...»	110
«Иду, кладу упрямый шаг...»	111
«Ты у меня в гостях была...»	112
«Сдержаться в чувствах не умеючи...»	112
«Неизвестная»	113
«Я жил – не заметил ни дня, ни причину...»	115
«Семнадцать... Двадцать... В годы те...»	115
«В дни юности со всею силой...»	116
Другу	119
ВЕРНОСТЬ ЛЮБВИ	
Осенние строки	121
«Изо всего того, чем люди дышат...»	122
«В Любви и радостях изверься...»	122
«Когда в пристрастии к труду...»	123
Весной	124
Рябина	125

Березовый рай.....	125
«Ветер ходит метелицей...».....	127
«Наш путь – не воздушная трасса...».....	128
«Сопrotивляясь темной силе...».....	129
Север.....	130
«В своей скитальческой судьбе...».....	131
Осенний лес.....	133
«Цветы, родившиеся ночью...».....	134
«Красуясь каждым деревцом...».....	135
«В небесах монотонные песни разлук...».....	135
«Холмы, расшитые узорами...».....	136
Звезда.....	137
«Как умру, мое забудь ты имя...».....	138
«И на кронах и на кронцах...».....	138
«Лучше сразу бы сказала злое...».....	139
«Когда люблю...».....	139
«Боюсь не смерти я. Нет, нет!».....	140
«Поднимусь, прогоню усталость...».....	141
«Предо мною новый трудный путь...».....	142
«Я шел тропой. След детства моего...».....	143

ПАМЯТЬ ЛЮБВИ

Коршун.....	145
«Я снова жив. Того не чаю...».....	146
«За позднюю вину...».....	147
Архив.....	147
«Не в памяти, в сердце осталось...».....	148
«О, как быстро время мчится!».....	148
«Философы и просто умницы...».....	149
«На широком лугу пахнет мятой-травой...».....	150
«Мне о том слагать бы оды...».....	150
«Измаянная тишиной, мысль за тобою гонится...».....	151
Любовь и Хлеб.....	152
«Все в памяти, и все – живое...».....	154
«За дружбу, за любовь...».....	155
Русская сказка.....	156
«Как наяву, точь-в-точь...».....	157
«Как хорошо, что за крутыми за гребнями...».....	158

«Я целовал твое письмо...».....	158
«Зимний ветер, гигикни над елью...»	159
«Думал, прошлое не забудется...»	160
«Анна, мне снится...»	161
«Я давно не испытывал нежность...»	162
Оракул.....	163
«Я тебя представляю поспешно шагающей к дому...»	166
Профиль	166
«Дымок свивается в колечки...».....	167
«Мне казалось, что ты молода...»	168
«Под крышей чужого закута...»	169
«Припомню что-то – и Душа не рада...».....	170

ВТОРОЙ ОГОНЬ

«Она, умевшая любить...».....	172
«Я не старый, я усталый...»	172
«Тишина, тишина...»	173
«А я когда-то думал, что седые...»	174
«Все вижу твой немой укор...»	175
«Мой Друг, вгоняй в строку...».....	176
«Рожью в клочьях тумана...».....	176
«В горячке выпил все отравы...».....	177
«Твое изображение померкнуть не рискует...»	178
Семейный разговор.....	179
Скульптор	180
Второй огонь	183
Недругам	184
«Сочиняем, пишем, строчим...».....	184
Еще о Золушке	186
«На трамвайной дороге плакат...»	187
«Между нами только камни...»	188
Три воды	188
Пурга	190
«Все чаще, чаще падаю...».....	195
«Мне говорят: пиши!...»	196
«С Душой, не созданной для драк и споров...»	197
«Что живешь, что в битвах не погас...».....	198

ЗАМЕТЫ

«Что ты молчишь? – услышал я упрек...».....	199
«Себе сказал и говорю другим...».....	199
«Что пользы вечно малым пробавляться...»	199
«Великий Пушкин говорил когда-то...».....	200
«Пусть недруги бранят...»	200
«Поэзией приписанный к векам...».....	200
«С Любовью – хоть гроза!...».....	200
«Мне дорог смех...»	201
«До всенародного признанья...».....	201
«Все выскажу, ни перед кем не струшу...»	201
«Известный спор меж школами и школками...»	201
«Как мы пишем? Как летаем мы?...»	202
«В какие страны и края...».....	202
«Хочешь ведать, как писалось?...»	202
«Вам, девушки, к семье идущим...»	202
«Говорят, моя строка про Любовь...».....	203
«Есть в Дружбе доброе ядро...»	203
«Любит совесть? Нам не в новость...»	203
«Я ваших сочувствий не слушаю...»	203
«Различий нет, а есть года...».....	204
«Моя Любовь давно в годах...».....	204
«Бог Любви, я снова в сердце ранен...».....	204
«Милый Друг, хочу сказать...»	205
«Берегите меня до последнего дня...»	205

МАЛЕНЬКИЕ ПОЭМЫ

ОБИДА.....	206
ДАЛЕКАЯ.....	220

СЕДЬМОЕ НЕБО

ЗЕМЛЯ и ВЕГА.....	232
Творческий путь В. Д. Фёдорова.....	253

Литературно-художественное издание

ВАСИЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ ФЁДОРОВ

КНИГА ЛЮБВИ

Редактор *А. С. Басалько*
Составитель *А. А. Кочетков (А. Северный)*
Компьютерная верстка *М. Б. Сорокиной*

Подписано к печати 30.11.2012. Формат 60х84¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура «Georgia», «Times New Roman».
Уч.-изд. л. 3,8. Усл. печ. л. 15,5. Тираж 200 экз. Заказ № 1024

Издательство КемГУКИ: 650029, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, 19. Тел. 73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru